

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-85189 от 17 апреля 2023 года)

Члены редакционной коллегии:

Сафронова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Белгород, Россия) – главный редактор.

Акопян Арсен Вазгенович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия) – ответственный секретарь.

Алонцева Дина Викторовна, доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой юриспруденции им. В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия).

Аристов Евгений Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия).

Васильев Антон Александрович, доктор юридических наук, профессор, директор юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия).

Голик Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (Москва, Россия).

Карлуш Кете Жорже, доктор права (Phd), профессор государственного Университета Агостиньо Нето и Католического университета Анголы (г. Луанда, Республика Анголы).

Кузьменко Элла Юрьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (Тамбов, Россия).

Кургузкина Елена Борисовна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия (Центральный филиал) (Воронеж, Россия).

Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Белгород, Россия).

Пабло Чан Ибарра Ан Пин, доктор права (PhD), профессор Университета Латинской Америки (UDLA, Эквадор).

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия).

Санка Мохаммед, доктор права (PhD), лектор центра исследований мира и безопасности факультета устойчивого развития Университета исследований в области развития (Тамал, Республика Гана).

Табалин Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права Департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Шатковская Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления (Ростов-на-Дону).

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западного государственного университета» (Курск, Россия).

The founder and the publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bunin Yelets State University» (399770, Lipetsk region, Yelets, st. Komunarov, 28, 1).

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. (Registration number: PI № FS77-85189 of 17, April 2023).

The editorial board:

Safronova Elena Viktorovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University» (Belgorod, Russia) – Editor-in-chief.

Akopyan Arsen Vazgenovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov Bunin Yelets State University (Yelets, Russia) - Executive Secretary, Technical editor.

Alontseva Dina Viktorovna, Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).

Aristov Evgenii Vyacheslavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the department of constitutional and administrative law Perm State National Research University (Perm, Russia).

Vasiliev Anton Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute of the Altai State University, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Altai State University (Barnaul, Russia).

Golik Yuri Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Carlos Kete Jorge, Doctor of Law (PhD), Professor at the Agostinho Neto State University and UCAN (Luanda, Republic of Angola)

Kuzmenko Ella Yuryevna – Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia).

Kurguzkina Elena Borisovna, Professor of the chair of Criminal Procedural Law, Doctor of Law, Central Branch of the Russian State University of Justice (Voronezh, Russia).

Marina Vasilyevna Markhgeym, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University» (Belgorod, Russia).

Pablo Chan Ibarra An Ping, Doctor of Law (PhD), Professor at the University of Latin America (UDLA, Ecuador).

Pashentsev Pashentsev Dmitry Alekseevich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Research Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Sankah Mohammed, Doctor of Law (PhD), Lecturer at the Center for Peace and Security Studies of the Faculty of Sustainable Development of the University of Development Studies (Tamal, Republic of Ghana)

Tabolin Vladimir Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law of the Department of Public Law Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Shatkovskaya Tatiana Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).

Sheveleva Svetlana Viktorovna, doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law of Southwestern State University (Kursk, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

Бочаров И.Е. Уголовная ответственность за распространение наркотических средств и психотропных веществ по дореволюционному законодательству России и ее влияние на советское уголовное право.....	8
Сафронов Н.А. Концептуализация христианской государственности в западноевропейской и византийской доктрине.....	16

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Акопян А.В. Жилищный вопрос и образование, как базовые источники демографических проблем в условиях урбанизации (о направлениях реформирования национальных проектов).....	25
Билык К.В. Правовое воспитание как системообразующий элемент государственной политики.....	36
Забияк В.В. Акопян А.В. Транспарентность судебной власти как механизм реализации социальной ответственности перед обществом	49
Каверина М.Н., Мирончуковская В.В. Методы и средства обеспечения транспортной безопасности	60
Тимошенко А.Ю. Правовые основы цифровизации транспортной отрасли (на примере железнодорожного транспорта)	67
Хомченко В.В., Ривоненко Н.Н. Прокуратура Донецкой Народной Республики в системе национальной безопасности России в условиях специальной военной операции	75

Уголовно-правовые науки

Присяжнюк А.А. Частные пенитенциарные учреждения: вопросы организации работы с осужденными.....	83
Образцова К.В., Щепетильников В.Н. Меры противодействия кибертерроризму..	91

НАШИ АВТОРЫ	99
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	101

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

Bocharov I.E. Criminal Liability for the Distribution of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances under Pre-Revolutionary Russian Legislation and Its Influence on Soviet Criminal Law.....	8
Safronov N.A. Conceptualization of Christian Morality in Western European and Byzantine Doctrine.....	16

Public law (state law) sciences

Akopyan A.V. Housing and Education as the Basic Sources of Demographic Problems in Urban Areas (on the Directions of Reforming National Projects).....	25
Bilyk K.V. Legal Education as a System-Forming Element of State Policy	36
Zabiyak V.V., Akopyan A.V. Transparency of the Judicial System as a Mechanism for Implementing Social Responsibility to Society	49
Kaverina M.N., Mironchukovskaya V.V. Methods and Means of Ensuring Transport Security	60
Timoshenkov A.Yu. Legal Frameworks for Digitalization of the Transport Industry (Based on Railway Transport)	67
Khomchenko V.V., Rivonenko N.N. The Prosecutor's Office of the Donetsk People's Republic in the System of Russia's National Security in the Context of a Special Military Operation	75

Criminal

Prisyazhnyuk A.A. Private Penitentiary Institutions: Issues of Organizing Work with Convicts	83
Obraztsova K.V., Shchepetilnikov V.N. Measures to Counter Cyberterrorism	91

OUR AUTHORS	99
--------------------------	----

FOR THE AUTHOR'S INFORMATION	101
---	-----

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ПО
ДОРЕВОЛЮЦИОННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ
И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

И.Е. Бочаров

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
399770 г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, д. 28,1
(Елец, Россия)

***Резюме.** В статье проводится комплексный анализ уголовно-правовых норм дореволюционного законодательства Российской империи, направленных на противодействие распространению наркотических средств и психотропных веществ. Исследование охватывает период действия основных кодифицированных актов – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в редакциях 1845, 1866, 1885 гг.) и Уголовного уложения 1903 года.*

Автор приходит к выводу, что в отличие от современной уголовно-правовой парадигмы, подход законодательства Российской империи характеризовался отсутствием единого понятия «наркотические средства» и был фрагментарным. Основными направлениями правового регулирования выступали административный контроль над аптечным оборотом (морфий, кокаин) и охрана общественной нравственности, особенно в регионах традиционного потребления опиума и гашиша (Кавказ, Средняя Азия). Устанавливается, что уголовная ответственность была в первую очередь нацелена не на потребителя, а на профессиональных распространителей, нарушавших установленные правила, а также на содержание опиокурительных заведений.

Эволюция норм от конкретных запретов Уложения о наказаниях к более общим составам Уголовного уложения 1903 года демонстрирует постепенное осознание законодателем специфической общественной опасности распространения одурманивающих веществ. Тем не менее, в целом, дореволюционный подход оставался в рамках парадигмы государственного контроля, ориентированного на поддержание порядка, охрана здоровья населения как самостоятельная ценность несколько отходила на второй план.

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, дореволюционное законодательство, Уложение о наказаниях, Уголовное уложение 1903 года, наркотические средства, психотропные вещества, аптечный оборот*

DOI 10.24888/2949-3293-2025-4-11-08-15

CRIMINAL LIABILITY FOR THE DISTRIBUTION OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES UNDER PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN LEGISLATION AND ITS INFLUENCE ON SOVIET CRIMINAL LAW.

Ilya E. Bocharov

Bunin Yelets State University
399770, Lipetsk region, Yelets, Kommunarov Street, 28,1
(Yelets, Russia)

***Abstract.** This article provides a comprehensive analysis of the criminal law norms of the pre-revolutionary Russian Empire, aimed at combating the distribution of narcotic drugs and psychotropic substances. The study covers the period of the main codified acts – the Penal and Correctional Code (versions of 1845, 1866, 1885) and the 1903 Criminal Code.*

The author concludes that, unlike the modern criminal law paradigm, the approach of the Russian Empire's legislation was characterized by the absence of a unified concept of "narcotic drugs" and was fragmented. The main directions of legal regulation were administrative control over the pharmaceutical trade (morphine, cocaine) and the protection of public morality, especially in regions with traditional consumption of opium and hashish (the Caucasus, Central Asia). It is established that criminal liability was primarily aimed not at the consumer, but at professional distributors who violated established rules, as well as at the operation of opium-smoking establishments.

The evolution of norms from specific prohibitions in the Penal Code to the more general provisions in the 1903 Criminal Code demonstrates a gradual awareness by the legislator of the specific social danger posed by the spread of intoxicating substances. Nevertheless, overall, the pre-revolutionary approach remained within the framework of a state control paradigm focused on maintaining order, while the protection of public health as an independent value was somewhat secondary.

***Keywords:** criminal liability, pre-revolutionary legislation, Code of Punishments, Criminal Code of 1903, narcotic drugs, psychotropic substances, pharmaceutical circulation*

Актуальность исследования историко-правовых аспектов противодействия распространению наркотических средств и психотропных веществ обусловлена необходимостью понимания генезиса соответствующих правовых норм и поиска эффективных стратегий в современной борьбе с данным социальным злом. Вопреки распространенному мнению, проблема немедицинского потребления одурманивающих веществ не является исключительно продуктом XX или XXI веков. Дореволюционное российское законодательство, обладая специфической системой криминализации, уже содержало ряд норм, направленных на регулирование оборота наркотических средств и психотропных веществ. Однако, в отличие от современной уголовно-правовой парадигмы, рассматривающей распространение наркотиков как одно из наиболее опасных преступлений, законодательство Российской империи подходило к данному вопросу иначе, акцентируясь преимущественно на административных мерах, а также на охране общественной нравственности и здоровья в контексте традиционных укладов жизни. Целью настоящей статьи является комплексный анализ уголовно-правовых и административ-

ных запретов, связанных с распространением наркотических средств и психотропных веществ в России до 1917 года, выявление их специфики и эволюции.

Основными источниками уголовного права в рассматриваемый период являлись Свод законов Российской империи, а с 1845 года – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое в редакциях 1845, 1866 и 1885 годов служило основным источником уголовного права России. Важную роль играло также Уголовное уложение 1903 года, хотя многие его статьи так и не вступили в полную силу.

Ключевой особенностью правового регулирования было отсутствие единого понятия «наркотические средства» или «психотропные вещества» в современном их понимании. В России и большинстве стран мира вплоть до начала XX века понятие «наркотические вещества» практически не было известно. Законодатель оперировал конкретными наименованиями: опий (опиум), гашиш (анаша́, гашиш), морфий, кокаин, а также традиционными для России одурманивающими веществами, такими как алкоголь и табак, оборот которых был предметом отдельного строгого регламентирования.

Уголовно-правовая политика в этой сфере не была нацелена на создание всеобъемлющего запрета на немедицинское потребление. Основными векторами были:

1. Контроль над производством и продажей с целью пополнения казны (например, государственная монополия на торговлю алкоголем и опиумом в некоторых регионах).

2. Административный контроль: регламентация аптечной торговли сильнодействующими веществами

3. Охрана общественной нравственности и порядка: борьба с привычками, ставшимися социально опасными и разрушающими традиционный уклад и здоровье, особенно среди коренного населения окраин империи.

Наиболее разработанными в законодательстве были нормы, касающиеся опиума и гашиша, что было связано с их распространенностью в регионах Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в ст. 923 (изд. 1885 г.) предусматривало ответственность за содержание опиокурительных заведений. Данное деяние относилось к проступкам против общественного благоустройства и благочиния. Виновные в организации притонов для курения опиума наказывались арестом или денежным взысканием до 300 рублей. Само курение опиума в публичных местах или притонах также могло повлечь арест или штраф [1].

Более суровые меры применялись в отношении распространения гашиша. Положения отделения VII главы I раздела VIII Уложения устанавливали наказание за приготовление и продажу «гашиша или анаши, или иного подобного пьяного зелья, из конопли или других растений приготовляемого». Данное деяние каралось тюремным заключением на срок от четырех до восьми месяцев. Если же продажа осуществлялась лицом, которому было запрещено заниматься подобной торговлей, наказание ужесточалось до заключения в тюрьме на срок от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев [1].

Эта дифференциация наказаний свидетельствует о том, что законодатель осознавал особую общественную опасность деятельности, направленной на вовлечение других лиц в потребление одурманивающих веществ, особенно путем их сбыта.

Важным направлением государственного регулирования был контроль над аптечной торговлей. Морфий, кокаин и опий, широко используемые в медицине, с конца

XIX века стали предметом злоупотреблений. В ответ на рост злоупотребления, прежде всего в среде интеллигенции, государство усилило административный надзор [7, с.135-142].

Устав врачебный (Свод законов, т. XIII) содержал строгие правила относительно хранения, учета и отпуска сильнодействующих и ядовитых веществ из аптек. Их продажа допускалась только по рецептам врачей. Нарушение этих правил аптекарскими работниками влекло за собой не дисциплинарную, а именно уголовную ответственность по статьям Уложения о наказаниях, касающихся нарушения уставов казенного управления (ст. 1064 и др.) [3]. Санкции включали в себя арест, денежные взыскания или отдачу в исправительные арестантские отделения [9]. Таким образом, уголовная ответственность в этой сфере была нацелена не на потребителя, а на профессионального распространителя (фармацевта, провизора), нарушившего установленные государством правила, что подчеркивает административно-регулятивную, а не карательную природу данных норм.

Уголовное уложение 1903 года, представлявшее собой вершину развития дореволюционного уголовного права, внесло значительные изменения в систематизацию соответствующих деяний. Оно впервые попыталось создать более универсальные составы. Попытка была связана с широким потреблением, распространением и транспортировкой наркотических веществ по всему миру.

Уложение 1903 года криминализировало «изготовление, хранение с целью распространения и само распространение ядовитых и сильнодействующих веществ, не разрешенное установленным порядком или с нарушением его». К числу таких веществ относились и наркотики. Наказание за это деяние предусматривало заключение в исправительном доме [2].

Кроме того, устанавливалась ответственность за склонение к потреблению одурманивающих веществ. Виновный, который «с целью доставить другому средство к приведению себя в опьяняющее или одурманивающее состояние, передаст или укажет ему на вещество, вредное для здоровья», наказывался тюремным заключением. Если же такие действия совершались в отношении несовершеннолетнего или лица, находившегося в зависимости от виновного, наказание существенно ужесточалось [2].

Данные нормы демонстрируют существенный сдвиг в правосознании той эпохи: законодатель начал выделять не просто нарушение правил торговли, а именно общественно опасную деятельность по распространению и вовлечению в потребление наркотических средств и психотропных веществ, что сделало его ближе к современному пониманию состава преступления.

Правовое регулирование оборота наркотиков в Российской империи носило ярко выраженный региональный характер. На Кавказе и в Средней Азии, где потребление опиума и гашиша было частью местных традиций, политика властей была двойственной. С одной стороны, она была направлена на интеграцию регионов в общеимперское правовое пространство, что влекло запрет «вредных» привычек. С другой – власти вынуждены были считаться с местными обычаями, что приводило к применению норм обычного права наряду с общероссийским законодательством.

Борьба с распространением наркотиков на окраинах империи часто мотивировалась не только заботой о здоровье населения, а также стремлением подавить потенциальные очаги социальной напряженности и укрепить контроль над территориями. Рас-

пространение наркотиков ассоциировалось с «дикостью» и «нецивилизованностью» коренных народов, что определяло карательно-цивилизаторский вектор политики [6, с.23-25].

Эволюция уголовно-правовых норм, направленных на противодействие распространению наркотических средств в дореволюционной России, не может быть рассмотрена в отрыве от общемировых тенденций и ее последующего влияния на формирование советского законодательства. К началу XX века проблема распространения наркотических веществ приобрела международный характер, что нашло отражение в ряде межгосударственных соглашений, таких как Гагская конвенция 1912 года «О борьбе со злоупотреблением опиумом». Российская империя принимала активное участие в разработке этого документа, что свидетельствовало о признании проблемы на высшем уровне.

Однако имплементация международных обязательств в национальное законодательство носила запаздывающий и фрагментарный характер. Нормы Уголовного уложения 1903 года, хотя и были прогрессивным шагом, не успели стать эффективным инструментом в силу ограниченности действия. Тем не менее, именно дореволюционные правовые наработки, в особенности системный подход Уложения 1903 года, стали важнейшим фундаментом для первых советских уголовных кодексов.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года и его редакция 1924 года, с одной стороны, восприняли ряд концепций дореволюционного права. В них сохранилась ответственность за незаконное изготовление и хранение с целью сбыта сильнодействующих и ядовитых веществ, а также за содержание притонов (ст. 140-д УК РСФСР 1922 г.) [4]. Прямая преемственность прослеживается в сохранении административно-регулятивного подхода к аптечному обороту. С другой стороны, советский законодатель, опираясь на классовую теорию, придал борьбе с распространением наркотических веществ новую идеологическую окраску. Распространение наркотиков стало рассматриваться не только как посягательство на общественный порядок, но и как форма «социальной дезорганизации» и «пережитка буржуазного разложения», подрывающая строительство социалистического общества.

Кардинальный перелом в советской уголовно-правовой политике в отношении наркотиков произошел в конце 1920-х – 1930-х годах. Жесткие постановления ЦИК и СНК СССР, такие как Постановление от 27 октября 1934 года «О запрещении посевов опийного мака и индийской конопли» [5], знаменовали собой переход от относительно либеральной политики к жестким мерам. В этот период окончательно формируется парадигма, доминирующая и в современном российском праве: безусловный приоритет уголовной ответственности за проведение любых операций с наркотиками, их тотальный запрет и криминализация самого потребления. Таким образом, если дореволюционное право лишь намечало контуры криминализации, то советский законодатель, используя его в качестве основы, выстроил жесткую репрессивную систему, направленную на полное искоренение явления [10].

Сравнительный анализ позволяет выделить ключевое различие двух эпох. Дореволюционное законодательство действовало в контексте «полицейского государства», где главной целью было поддержание общественного спокойствия и государственная монополия на отдельные вещества. Уголовная ответственность была производной от нарушения административных предписаний. Советское же государство, будучи госу-

дарством идеологическим, поставило перед правом задачу радикального переустройства общества и искоренения чуждых социальных явлений, что привело к криминализации самого явления потребления наркотических веществ как такового, независимо от конкретных нарушений правил торговли. Этот идеологический поворот, наложенный на технико-юридические конструкции, унаследованные от дореволюционной юриспруденции, и предопределил формирование в СССР одной из самых суровых в мире систем борьбы с наркотиками, правопреемником которой является современное российское законодательство.

Таким образом, уголовная ответственность за распространение наркотических средств и психотропных веществ по дореволюционному законодательству России представляла собой сложный, эволюционирующий правовой институт. Он характеризовался отсутствием единой концепции и тесной связью с административными и фискальными мерами. Основной акцент был направлен не на криминализацию потребителя и не на борьбу с организованной преступностью, которая в данной сфере еще не приобрела современных масштабов, а на регулирование оборота и пресечение публичных форм потребления, угрожающих общественному порядку и нравственности.

Эволюция от конкретных запретов Уложения о наказаниях к более общим нормам Уголовного уложения 1903 года свидетельствует о постепенном осознании законодателем специфической общественной опасности распространения наркотических средств и психотропных веществ. Однако, в целом, дореволюционный подход оставался в рамках парадигмы полицейского государства, озабоченного, прежде всего, поддержанием порядка, охрана здоровья населения как самостоятельная ценность несколько отходила на второй план. Тем не менее заложенный в Российской империи законодательный механизм противодействия распространению наркотических средств и психотропных веществ стал фундаментом для создания мощной правовой системы борьбы с наркотическими веществами в СССР. Этот исторический опыт важен для понимания преемственности и различий в правовых механизмах противодействия наркоугрозе на разных этапах развития российской государственности.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest. The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики. Авторы заявляют о соответствии исследования этическим принципам

Ethics Approval. The authors declare that the study complies with all applicable ethical principles.

Список источников

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / издано Н. С. Таганцевым. - Издание 6-е, пересмотренное и дополненное. - Санкт-Петербург : Государственная типография, 1889.
2. Уголовное уложение 1903 года. – Санкт-Петербург, 1903.
3. Свод законов Российской империи. Т. XIII. Устав врачебный. – СПб., 1892.
4. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : [Приказ Революционного Военного Совета Республики 1922 г. № 1551]. — Москва: Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1922.
5. Постановление ЦИК СССР N 110, СНК СССР N 2466 от 27.10.1934 «О запрещении посевов опийного мака и индийской конопли» // СПС «Консультант Плюс».
6. Боровиков В.Б. Уголовно-правовые средства противодействия наркотизму в России: история и современность // История государства и права. – 2007. – № 10. – С. 23-25.
7. Иванов А.А. Историко-правовые аспекты борьбы с наркоманией в России (XIX – начало XX вв.) // Журнал российского права. – 2004. – № 5. – С. 135-142.
8. Петров М.В., Бушуев И.В. Историко-правовые аспекты развития международного и отечественного законодательства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2020. - №3, том 1. – С. 270-279.
9. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Особенная: Преступления против личности и имущества. – Санкт-Петербург, 1913.
10. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 414 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-08170-1. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт].
11. Файзулин А.А., Лобанова Л.В. История становления уголовно-правовых средств противодействия наркомании и наркотизму, предусмотренной общей частью УК РФ // Вопросы права. – 2025. - №1. – С. 127-136.

References

1. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885 / published by N. S. Tagantsev. - 6th edition, revised and supplemented. - St. Petersburg: State Printing House, 1889.
 2. Criminal Code of 1903. - St. Petersburg, 1903.
 3. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. XIII. Medical Charter. - St. Petersburg, 1892.
 4. Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic: [Order of the Revolutionary Military Council of the Republic, 1922, No. 1551]. — Moscow: Published by the Military Collegium of the Supreme Tribunal of the All-Union Central Executive Committee, 1922.
 5. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR No. 110, Council of People's Commissars of the USSR No. 2466 of October 27, 1934 "On the Prohibition of Sowing Opium Poppy and Indian Hemp" // SPS "Consultant Plus".
-

6. Borovikov V.B. Criminal-legal means of combating drug addiction in Russia: history and modern times // History of the state and law. – 2007. – No. 10. – P. 23-25.

7. Ivanov A. A. Historical and legal aspects of the fight against drug addiction in Russia (19th – early 20th centuries) // Journal of Russian Law. – 2004. – No. 5. – P. 135-142.

8. Petrov M. V., Bushuev I. V. Historical and legal aspects of the development of international and domestic legislation in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances // Bulletin of V. N. Tatishchev Volzhsky University. – 2020. - No. 3, Volume 1. – P. 270-279.

9. Sergeevsky N. D. Russian criminal law. Special Part: Crimes against the person and property. – St. Petersburg, 1913.

10. Tagantsev, N. S. Russian criminal law in 2 parts. Part 1 / N. S. Tagantsev. - Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 414 p. - (Anthology of Thought). - ISBN 978-5-534-08170-1. - Text: electronic // Yurait Educational Platform [website].

11. Fayzulin A. A., Lobanova L. V. History of the development of criminal-legal means of combating drug addiction and narcotism, provided for by the general part of the Criminal Code of the Russian Federation // Questions of Law. - 2025. - No. 1. - P. 127-136

Сведения об авторах: Бочаров Илья Евгеньевич, AuthorID 1224432, e-mail: ilyabocharov1998@mail.ru.

Для цитирования: Бочаров, И.Е. (2025) Уголовная ответственность за распространение наркотических средств и психотропных веществ по дореволюционному законодательству России и ее влияние на советское уголовное право. *Вопросы государства и права*, № 4(11). с. 9-15, <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-08-15>.

Получена: 22 октября 2025; прошла рецензирование 12 ноября 2025; принта 20 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: ©И.Е. Бочаров (2025) Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Authors: Ilya E. Bocharov, AuthorID 1224432, e-mail: ilyabocharov1998@mail.ru .

For citation: Bocharov, I. E. (2025) Criminal liability for the distribution of narcotic drugs and psychotropic substances under pre-revolutionary russian legislation and its influence on soviet criminal law. *Questions of State and Law*, no. 4(11), pp. 8-15 <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-08-15>.

Received 22 October 2025; reviewed 12 November 2025; accepted 20 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. E. Bocharov (2025). Published by Bunin Yelets State University. Open access under CC BY-NC License 4.0.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ДОКТРИНЕ

Н.А. Сафронов

Юго-Западный государственный университет,
305040 г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
(Россия, Курск)

Резюме. *Статья посвящена анализу моделей воздействия идей христианства на построение государства в западном мире и восточно-христианской традиции.*

Соотношение западноевропейского и византийского понимания модели христианского государства представляет собой сложную и многогранную проблему, охватывающую широкий спектр политических, религиозных, культурных и философских аспектов.

Основу отношения католической церкви к роли государства сформулировал еще Августин Блаженный, центральной идеей которого являлось существование двух градов: Града Божьего (Церковь) и Града Земного (Государство). Церковь должна сосуществовать с Градом Земным и подчиняться мирским законам до той поры, пока они не противоречат божественным. Дальнейшее развитие этой концепции привело к идеям протестантизма, в противовес католицизму с его папозезаризмом. Протестанты поставили под сомнение авторитет церковной иерархии, а в дальнейшем просветители выдвинули идеи о разделении властей, свободе совести и религиозной терпимости. Акцент на человеческой природе Иисуса Христа в западной традиции привел к развитию института прав человека.

Византийская же империя сохранила централизованную систему управления. Император был одновременно главой государства и защитником Церкви, обладавшим не только светской, но и духовной властью. Основой восточно-христианской традиции же стала «симфония властей» как сотрудничество между церковью и государством, где император считался защитником веры, а церковь определяла основы человеческого бытия. В восточном христианстве максимально сохранен принцип христианской лояльности к государственной власти.

Ключевые слова: *церковь, христианство, папозезаризм, христианская лояльность, идеал государства*

DOI 10.24888/2949-3293-2025-4-11-16-24

CONCEPTUALIZATION OF CHRISTIAN STATEHOOD IN THE WESTERN EUROPEAN AND BYZANTINE DOCTRINE

Nikita A.Safronov

Southwestern State University
305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya Street, 94
(Russia, Kursk)

Abstract. *This article analyzes the impact of Christian ideas on the construction of the state in the Western world and the Eastern Christian tradition. The relationship between the Western European and Byzantine understanding of the Christian state is a complex and*

multifaceted issue that encompasses a wide range of political, religious, cultural, and philosophical aspects. The foundation of the Catholic Church's approach to the role of the state was laid by Saint Augustine, who emphasized the existence of two cities: the City of God (the Church) and the City of Earth (the State). The Church must coexist with the City of Earth and obey the laws of the world, as long as they do not contradict the divine. This concept further developed into the ideas of Protestantism, in contrast to Catholicism with its papal supremacy. Protestants questioned the authority of the church hierarchy, and later, the Enlightenment brought forth ideas about the separation of powers, freedom of conscience, and religious tolerance. The emphasis on the human nature of Jesus Christ in the Western tradition led to the development of the institution of human rights.

The Byzantine Empire, on the other hand, retained a centralized system of government. The emperor was both the head of state and the protector of the Church, possessing not only secular but also spiritual authority. The Eastern Christian tradition was based on the "symphony of powers" as a collaboration between the church and the state, where the emperor was considered the protector of the faith, and the church defined the foundations of human existence. Eastern Christianity preserved the principle of Christian loyalty to the state as much as possible.

Keywords: church, Christianity, papocesarism, Christian loyalty, ideal of the state

Проблема совершенствования социального устройства всегда волновала человечество. Современное человечество не имеет опыта жизни вне государства. Среди множества высказанных мнений особый интерес представляют учения об идеальном государстве с точки зрения христианского учения. В отечественной историографии к постановке проблемы в такой плоскости обращались немногие. Нельзя не согласиться с А.И. Овчинниковым, что «библейский идеал государства и права нуждается в обстоятельном анализе и изучении» [1, с. 7]. По разделяемому нами мнению Н.А. Нарочницкой, «вопрос о соотношении современных историко-философских и социологических доктрин и христианского учения важен не только с точки зрения веры и судьбы христианства. Сопоставление категорий и ценностей современного общественного сознания с христианским наследием имеет огромное научное значение и не может не интересовать ученого-обществоведа... поскольку обществоведение по определению исследует воплощение в историческом процессе тех или иных идей» [1, с. 6].

Распространенным отправным пунктом в дискуссии об отношении христианства к государству служит известное евангельское утверждение: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1). Общеизвестны и вытекающие из этого принципа распространенные заключения. Утверждается, что христианство признает любую государственную власть, будь то языческую или христианскую, независимо от политического режима и формы правления. Этот принцип политической лояльности вместе со всеми его последствиями часто представляется как единственная для определения позиции христианства по отношению к власти, государству и праву. Однако принцип политической лояльности представляет собой лишь один аспект сложного отношения христианства к государству. Философской мыслью выработаны различные подходы к определению явления, называемого христианским государством.

«С победой христианства, – отмечает И.А. Исаев, – ... в Европе стала формироваться общность, называемая Христианским государством и христианским порядком (Respublica Christiana и populus christianus). В этой ситуации соседние земли нехристианских и языческих народов стали расцениваться как вражеские территории и пространства, предназначенные для христианской миссионерской деятельности: крестовые походы и священные войны получили легитимацию Церкви, а единство и порядок христианской империи нашли выражение в лице государственной власти и священстве» [3, с. 1134].

Философское осмысление проблемы отношения христианства к государству относится к периоду появления первых государств, принятых называть христианскими. На западноевропейскую христианскую доктрину значительное влияние оказала концепция Блаженного Аврелия Августина (354-430). Его знаменитый труд «О Граде Божьем» [3], созданный в период упадка Римской империи представляет собой не только богословское размышление – теологию истории, но и глубокий анализ политической истории. Блаженный Августин предпринял попытку совместить нравственный идеал христианства с политико-правовым опытом человечества и ответить на вопросы: как политическая история соотносится с замыслом Бога; какова природа государственной власти; возможна ли идеальная модель взаимоотношения церкви и государства.

Центральной темой в работе Августина явилась история происхождения и развития двух градов: Града Божьего (Civitas Dei) и Града Земного (Civitas Terrena). Августин доказывал, что эти два града основаны на двух противоположных принципах: первый на любви к Богу до презрения к себе, а второй - любовь к себе до презрения к Богу. Эти два града, по его мнению, не являются просто политическими или географическими образованиями, а скорее символизируют два разных образа жизни и два разных направления человеческой воли. Августин подробно рассматривает последствия грехопадения Адама и Евы, которые привели к разделению человечества на два противоборствующих лагеря. Он показывает, что Град Земной характеризуется стремлением к земным благам, власти и славе, в нем царствует дьявол, а Град Божий – стремлением к небесным ценностям, смирению и любви, здесь царствует Бог. Вся история человечества – это история борьбы земного и божественного. Августин не признает наличия зла, как особой субстанции; зло для него – есть отсутствие добра. Греховная природа человека стремится к самопревозношению и свободе от божественных законов. Рассматривая историю, прообраз Града Божьего он видит в Ветхозаветном Израиле, который управлялся пророками, а примеры Града Земного в истории языческих империй. Сущность государства, по его мнению, определяется теми идеалами, которые разделяет народ. «Государственный народ есть такое множество разумных существ, которое объединено общим отношением к тому, что оно любит» [4, с. 33].

Августин оправдывал существование государства тем, что государственная власть призвана сдерживать греховные проявления человеческой природы. По его мнению, мировая история разделена на шесть периодов и вступила в последний, когда Бог воплотился в человеческом теле. Он считал, что Град Божий теперь – это Церковь, которая должна сосуществовать с Градом Земным и подчиняться мирским законам, до той поры, пока они не противоречат божественным. Именно в этих заключениях Августина Блаженного коренятся идейные предпосылки последующих отклонений от принципа христианской лояльности к государственной власти, включая западное противо-

стояние церкви и государства, католическую критику государства как греховного института, католические теории о неподчинении несправедливой власти, обоснование папоцезаризма.

Позднее в трудах католических мыслителей была обоснована демократическая доктрина государственности, ключевыми признаками которой назывались: договорная природа государственной власти, идея народного суверенитета и право на сопротивление угнетению. «Продолжая дело Августина, западное христианство пошло ещё дальше – оно не только восприняло от Библии идею борьбы с несправедливой властью, оно кроме того попыталось обосновать теорию праведного земного государства по тем образцам, которые были нарисованы в Ветхом Завете» [4, с. 34].

В период средневековья в европейской западной цивилизации церковь оказывала огромное влияние на политическую жизнь, а монархи стремились легитимизировать свою власть с помощью церковного благословения, сложилась характерная для Европы модель государственно-церковных отношений – папоцезаризм. Выдающийся русский богослов С.Н. Булгаков назвал эту модель «лжетеократией», что «здесь как бы сливаются обе харисмы, – царства и священства, в едином теургическом принципе. К этому ещё присоединилась общая идея о папской непогрешимости *ex cathedra*, которая жила, конечно, задолго до Ватиканского догмата. Эта непогрешимость скрепила и как бы покрыла своим куполом обе власти. Благодаря совокупности всех этих атрибутов папа превратился в универсального харизматика, каким в язычестве мог ощущать себя лишь фараон, сын бога, царь и верховный жрец. Папа замещает Христа на земле, а его монархия есть уже тысячелетнее царство Христа со святыми Его: такова неизбежная логика папизма. ... Бунт против церкви – протестантизм, имеющий непосредственное продолжение в гуманистической революции, в Западной Европе есть прямое порождение католичества, его диалектический антитезис» [5].

Явление протестантизма было обусловлено политической историей католической церкви. В эпоху Реформации и Просвещения система папоцезаризма подверглась серьезной критике. Реформаторы выдвинули принцип «*Sola Scriptura*» (только Писание), поставив под сомнение авторитет церковной иерархии, а просветители, в свою очередь, выдвинули идеи о разделении властей, свободе совести и религиозной терпимости. Акцент на человеческой природе Иисуса Христа в западной традиции привел к развитию института прав человека.

Фундаментальная трансформация восприятия власти и ее легитимности стала результатом протестантской реформации. «...Церковь для западного христианина, - писал А.С. Хомяков, - сделалась чем-то внешним... она обратила человека себе в раба и вследствие этого нажила себе в нем судьбу... Как только авторитет сделался внешней властью, а познание религиозных истин отрешилось от религиозной жизни, так изменилось и отношение людей между собою: в Церкви они составляли одно целое, потому что в них жила одна душа; эта связь исчезла, ее заменила другая – общеподданническая зависимость всех людей от верховной власти Рима» [6, с. 267]. Протестантизм, с его акцентом на индивидуальную веру и непосредственное общение с Богом, подорвал авторитет католической церкви как единственного источника истины. Европейские государства постепенно освободились от власти Римского Папы, и весь фокус дискуссии о христианском государстве свёлся к форме правления, которая больше соответствует реализации христианских идеалов.

В эпоху Реформации и Контрреформации религия превратилась в предмет политического торга. В Европе развился принцип «чьё государство, того и вера». Авторитарное государство, по сути лишённое религиозных основ как в содержании, так и в проявлениях, послужило фундаментом и благоприятной почвой для возникновения либеральной идеологии, усиливающей антирелигиозную направленность. Выдающийся французский философ Рене Декарт (1596-1650) одним из первых предпринял попытку «эмансипации» от религиозных догм, заменив веру рациональным мышлением, а следовательно, поставив человека на место Создателя. Католический архиепископ Марсель-Франсуа Лефевр в одной фразе выразил всю эволюцию западной философии. Он отмечал: «субъективизм заключается в придании свободы мышлению, тогда как высокое достоинство мышления состоит, наоборот, в подчинении мышления своему субъекту... Не мышление творит вещи, но, напротив, вещи предписываются мышлению – такими, каковы они есть... Следовательно,... кто ищет истинного, должен отказаться от себя, от построений своего рассудка, отказаться от изобретения истины... Исторически это освобождение субъекта от объекта (от того, что существует) было реализовано тремя людьми. Сначала Лютер отверг авторитет Церкви... Он ввёл свободу совести, исходя из ложно понятого библейского вдохновения – вдохновения индивида! Затем Декарт и его последователь Кант систематизировали субъективизм: разум замкнулся в себе самом, он знает лишь свое собственное мышление... Наконец, Руссо: избавившийся от своего объекта, утративший здравый смысл, субъект остаётся беззащитным перед общественным мнением.. Мышление индивида растворяется в общественном мнении... и такое мнение будет создаваться технологиями группового манипулирования... на наших глазах происходит распад субъекта, готового теперь подчиняться любым разновидностям рабства» [7, с. 64]. Так в Европе был подготовлен идеологический базис «для воплощения самоценности человека в формуле «свобода, равенство и братство», которое можно понимать как свободу от нравственности, равенство Истины и лжи и объединение человечества на основе двух первых принципов в новое «братство», - в противовес христианскому «братству во Христе». Однако, следуя иллюзии «свободы», человек всецело подчиняется этим принципам (что приводит к новому рабству), забывая Слова Библии: «Истина сделает вас свободными»[8, с. 407-408].

Процессы, проходившие в Западном мире, отличались от процессов на христианском Востоке. Именно они заложили основы разделения христианской церкви на западную (Римско-католическую) и восточную (православную). Кризис Римской империи под давлением германских племён привёл её к распаду, культурными основаниями этого распада явилось отсутствие духовного единства. Языческая идеология была уже не способна объединить распадающуюся империю, а христианская церковь в период раннего Средневековья стала единственной силой, способной сдержать её распад. Именно в этот период она отчасти берет на себя государственные функции (некоторые епископы, например, выполняли административные, дипломатические и судебные функции). Церковь стремится к созданию нового христианского Рима, который шёл на смену языческому.

Христианство было легализовано при Константине Великом, а при Феодосии I стало государственной религией. Однако после раздела Римской империи в западной и восточной части складываются различные модели христианских теократических государств, а также разные типы государственно-церковных отношений.

Западная часть Римской империи долгое время оставалась языческой, светская власть была слабой, защитниками христиан выступала церковь, постепенно набирая политический вес. После распада империи под давлением германских племен и образованием варварских государств носителем новой объединяющей христианской идеологии стала церковь. Постепенно шло формирование политического и духовного института папства. При политической раздробленности Европы Папа Римский постепенно превратился не только в духовного главу католической церкви, но и во влиятельного светского правителя.

В Византийской империи рождение нового Рима было сфокусировано на личности императора. Перенос императором Константином Великим столицы в город Византий, позднее переименованный в Константинополь, позволил императору стать главой христианской общины, главным защитником христианства и центром религиозной жизни. Основой восточно-христианской традиции стала «симфония властей» как сотрудничество между церковью и государством, где император считался защитником веры, а церковь определяла основы человеческого бытия. Выдающийся русский мыслитель Л.А. Тихомиров, указывая на значимость церкви для земного устройства, писал: «создание прочной обстановки для христианской жизни – имела и Церковь. Все её догматы, вся её иерархия, все учреждения были нужны только для того, чтобы можно было жить согласно своей вере. С этим связано и отношение Церкви к государственной власти»[9, с. 298].

Концепция «симфонии властей», ставшая краеугольным камнем византийской политической и религиозной идеологии, находит своё наиболее яркое выражение в законодательстве и политической практике императора Юстиниана I (527-565 гг.). Нормативно принцип симфонии был закреплён в VI новелле Юстиниана, где говорилось: «Бог в Своём человеколюбии даровал человечеству два великих дара: священство и царство. Первое служит тому, что Божественно, второе управляет и занимается человеческими делами; то и другое, однако, имеют одно происхождение и украшают жизнь человечества. Следовательно, ничто не должно заботить императоров больше, чем достоинство священников, поскольку они за их (императоров) благополучие постоянно молят Бога. Ибо если священство во всем свободно от порицания и обладает дерзновением к Богу и если императоры управляют справедливо и разумно вверенным их попечению государством, то этим осуществляется всеобщая гармония и человеческому роду даруется все, что для него благотворно» [10, с. 97]. Принцип, заложенный в 6-й Новелле Юстиниана, получил логическое продолжение в предисловии к новому законодательному сборнику, получившему название «Эклога» («Избранное»), изданному в период правления императора Льва III Исаврийцем (717-741): «Господь, вручив царство императорам, вместе с тем повелел им пасти верное стадо Христово по примеру Петра, главы Апостолов» [11, с. 342]. Изучение византийского философского наследия позволяет утверждать, что в фундаменте идеи симфонии властей лежит не независимое волеизъявление человека, а Божественный Закон, определяющий смысл существования человеческого общества. Он определяет не только поведение подданных, но и самого императора.

Таким образом, вопрос о соотношении западноевропейского и византийского понимания модели христианского государства представляет собой сложную и многогранную проблему, охватывающую широкий спектр политических, религиозных, культур-

ных и философских аспектов. В Западной Европе после падения Римской империи образовался политический вакуум, заполненный варварскими королевствами. В условиях политической раздробленности и постоянных войн формировалось представление о государстве как о временном институте, подчиненном высшей духовной власти Церкви. Эта концепция, получившая развитие в трудах Августина Блаженного, предполагала разделение сфер влияния, где духовная власть занимала главенствующее положение, а светская власть обеспечивала лишь порядок и защиту интересов Церкви. Папа Римский, как наместник Христа на земле, обладал непререкаемым авторитетом в вопросах веры и морали, а также имел право вмешиваться в политические дела, отлучая от Церкви непокорных правителей и освобождая подданных от присяги.

Византийская империя, напротив, представляла собой наследницу Римской государственности, сохранившую централизованную систему управления. Император был одновременно главой государства и защитником Церкви, обладавшим не только светской, но и духовной властью. Концепция «симфонии властей», разработанная Юстинианом I, предусматривала гармоничное сотрудничество между светской и духовной властью. «В разные периоды византийской истории теоретический идеал «симфонии властей» оставался «категорическим императивом» власти и византийского духовно-цивилизационного пространства»[12, с. 101-102].

Обе модели оказали существенное влияние на формирование представлений о политической системе. Их изучение позволяет лучше понять истоки европейской политической традиции и сложность взаимодействия между светской и духовной властью в истории.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest. The author declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики. Автор заявляет о соответствии исследования этическим принципам.

Ethics Approval. The author declare that the study complies with all applicable ethical principles.

Список источников

1. Овчинников А.И. Библейский идеал государства: теоретический аспект // Философия права. – 2014.- № 4 (65).- С. 7-11.

2. Исаев И.А. Государство и территория: взаимодействие идей // Lex russica (научные труды МГЮА).- 2012.- № 6. - С. 1129-1155.

3. Августин Аврелий О Граде Божьем // Электронный ресурс. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Avgustin_1-5.pdf.

4. Алексеев Н.Н. Идея «Земного Града» в христианском вероучении // Путь. Орган русской религиозной мысли. - 1926.- № 5.- С. 20-41.

5. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения // https://kartaslov.ru/русская-классика/Булгаков_С_Н/Свет_невечерний_Созерцания_и_умозрения/53

-
6. Хомяков А.С. Дар песнопенья; О старом и новом; Церковь одна; Труженик. – М., 2007. – 754 с.
 7. Лефевр. М. Они предали Его. От либерализма к отступничеству. – М., 2007. – С. 348 с.
 8. Новиков О.А., Сафронов Н.А. Государство и право в православной доктрине (материалы конференции) Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: материалы VI Международного молодежного форума, проводимого по благословению митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018.С. 398-410.
 9. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 2007. 587 с.
 10. Институты Юстиниана / Под ред Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 1998. – 400 с.
 11. Эклога // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. В 2 т. / Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. – М.: НОРМА, 2007. – Т.1.: Древний мир и Средние века / Сост. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. – 816 с.
 12. Алонцева Д.В. Восточно-христианская концепция теократической государственности: дис. ... д-ра юрид. наук. - Белгород, 2021. 341 с.

References

1. Ovchinnikov A.I. The Biblical Ideal of the State: A Theoretical Aspect // Philosophy of Law. – 2014.- No. 4 (65).- Pp. 7-11.
 2. Isaev I.A. The State and Territory: Interaction of Ideas // Lex russica (scientific works of the Moscow State Law Academy).- 2012.- No. 6. - Pp. 1129-1155.
 3. Augustine Aurelius On the City of God // Electronic resource. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Avgustin_1-5.pdf.
 4. Alekseev N.N. The Idea of the "Earthly City" in the Christian Doctrine // Put. Organ of Russian Religious Thought. - 1926.- No. 5.- Pp. 20-41.
 5. Bulgakov S.N. The Light of the Evening. Contemplation and Speculation // https://kartaslov.ru/русская-классика/Bulgakov_S_N/Свет_невечерний_Contemplation_and_speculation/53
 6. Khomyakov, A.S. The Gift of Song; On the Old and the New; The Church is One; The Worker. Moscow, 2007. 754 p.
 7. Lefebvre, M. They Betrayed Him. From Liberalism to Apostasy. – Moscow, 2007. – 348 p.
 8. Novikov, O.A., Safronov, N.A. State and Law in the Orthodox Doctrine (Conference Proceedings) Moral Imperatives in Law, Education, Science, and Culture: Proceedings of the VI International Youth Forum, held with the Blessing of Metropolitan John of Belgorod and Starooskolsk. – Yelets: Yelets State University named after I.A. Bunin, 2018. Pp. 398-410.
 9. Tikhomirov L.A. Religious and Philosophical Foundations of History. Moscow, 2007. 587 p.
 10. Institutions of Justinian / Edited by L.L. Kofanov and V.A. Tomsinov. – Moscow: Zertsalo, 1998. – 400 p.
 11. Ecloga // Anthology on the History of State and Law in Foreign
-

Countries. In 2 volumes / Ed. by N.A. Krasheninnikova. – M.: NORMA, 2007. – Vol. 1.: The Ancient World and the Middle Ages / Compiled by O.L. Lysenko and E.N. Trikoz. – 816 p.

11. Alontseva D.V. The Eastern Christian Concept of Theocratic Statehood: Dissertation. ... Doctor of Law. - Belgorod, 2021. 341 p

Сведения об авторах: Сафронов Никита Алексеевич, SPIN-код: 7061-6601, AuthorID: 1235772, e-mail: nik.safronov.1992@mail.ru.

Для цитирования: Сафронов, Н.А. (2025) Концептуализация христианской государственности в западноевропейской и византийской доктрине. *Вопросы государства и права*, № 4(11). с. 16-24 , [https://doi.org/ 10.24888/2949-3293-2025-4-11-16-24](https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-16-24).

Получена: 9 ноября 2025; прошла рецензирование 12 ноября 2025; принта 20 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Н.А. Сафронов (2025) Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Authors: Nikita A. Safronov, SPIN-код: 7061-6601, AuthorID: 1235772, e-mail: nik.safronov.1992@mail.ru.

For citation: Bocharov, I. E. (2025) Conceptualization of christian statehood in the western european and byzantinedoctrine. *Questions of State and Law*, no. 4(11), pp. 16-24. [https://doi.org/ 10.24888/2949-3293-2025-4-11-16-24](https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-16-24).

Received 22 October 2025; reviewed 12 November 2025; accepted 20 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. E. Bocharov (2025). Published by Bunin Yelets State University. Open access under CC BY-NC License 4.0.

**ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС И ОБРАЗОВАНИЕ, КАК БАЗОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ
(О НАПРАВЛЕНИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ)**

А.В. Акопян

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина,
399770 г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, д. 28,1
(г. Елец, Россия)

***Резюме.** Статья посвящена проблеме выявления причин демографического спада, характерного для большинства современных государств. Анализ статистики рождаемости в странах СНГ показал прямую зависимость уровня рождаемости от процессов урбанизации. Во всех странах рождаемость на селе выше, чем в городе, несмотря на более высокий уровень благосостояния в целом жителей городов. Основной вывод работы в том, что при формировании государственных программ поддержки рождаемости следует больше акцентироваться на стимулирование сельского образа быта. В условиях ускоренного развития сельского хозяйства это может быть стимулирование перетока населения из городской местности в сельскую или воспроизводство такого быта (в том числе жилищных условий) в городах для городского населения. В целях же стимулирования рождаемости в городах программы развития демографии должны не только акцентироваться на обеспечении материального благополучия семьи, но и на создании условий, при которых функции, свойственные для традиционной семьи (содержание жилища и воспитание молодого поколения), должно забирать на себя общество, поскольку оно же является главным бенефициаром ухода работоспособных членов семьи из домохозяйства в общественное производство.*

***Ключевые слова:** демография, рождаемость, семья, национальный проект, государственная поддержка, социальное обеспечение, образование*

DOI 10.24888/2949-3293-2025-4-11-25-35

**HOUSING AND EDUCATION AS THE BASIS OF BASIC DEMOGRAPHIC
PROBLEMS IN THE CONTEXT OF URBANIZATION
(ON THE DIRECTIONS OF REFORMING NATIONAL PROJECTS)**

Arsen V. Akopyan

Bunin Yelets State University
399770, Lipetsk region, Yelets, 28,1 Kommunarov Street
(Russia, Yelets)

***Abstract.** The article is devoted to the problem of identifying the causes of the demographic decline that is typical for most modern states. An analysis of the birth rate statistics in the CIS countries showed a direct correlation between the birth rate and the*

processes of urbanization. In all countries, the birth rate in rural areas is higher than in urban areas, despite the generally higher level of welfare in urban areas. The main conclusion of the article is that when developing government programs to support the birth rate, more emphasis should be placed on promoting rural lifestyles. In the context of accelerated agricultural development, this could involve encouraging the migration of people from urban areas to rural areas, or promoting the creation of suitable living conditions (including housing) in urban areas for urban residents. In order to stimulate birth rates in urban areas, demographic development programs should not only focus on ensuring the material well-being of families, but also on creating conditions that promote family-oriented activities.

Keywords: *demographics, birth rate, family, national project, government support, social security, education*

Первая половина 1990-х годов 20 века в России ознаменовалась новой фазой демографического развития: именно с этого времени до настоящих дней фиксируется устойчивая убыль населения. Смертность стала превышать рождаемость. Эта фаза стала логическим продолжением демографического перелома начала 20 века, когда череда трагических событий, перемежаясь с необходимостью преодоления экономического и промышленного отставания, потребовала больших человеческих жертв.

До Первой мировой войны в России, несмотря на участие в бесконечных войнах, всегда фиксировался прирост населения либо стабильный, либо ускоренный. На начало 1914 года население Российской Империи составляло по разным данным 165-182 млн человек [1]. Однако те жертвы, которые Российская Империя понесла в результате 1 Мировой войны (по разным данным от 1 - 3,5 млн погибших и пропавших без вести [2]) и последовавшей за ней Гражданской войной (14-18 млн человек [3, с. 67]), переломили этот тренд.

Прирост населения в процентном соотношении стал падать.

Последующие за ними процессы коллективизации индустриализации с их крайностями этот тренд усилили.

Про Великую Отечественную войну вообще говорить не приходится. Колоссальные потери в ходе войны до сих пор отражаются на демографической картине страны в виде циклического падения рождаемости на дне волны, образующейся ввиду малочисленности поколения тех, кому в период с 1941-1945 годы было 18-35 лет.

После Великой Отечественной войны значительными ударами по демографии в стране стали репрессии до начала 50-х годов и перестройка конца 80-х начала 90-х, плавно перешедшая в развал Советского Союза.

И это только прямые потери. Но еще большую утрату потенциала роста влечет психологическая неготовность основной части населения рожать и воспитывать детей в условиях бесконечных кризисов, катастроф, неустроенности и неопределенности. Эти потери сложно подсчитать. Но если даже взять половину среднего прироста населения начала XX века до 1914 года (половину от 3,7 млн человек в год) и экстраполировать его на 20 век (оставшиеся 86 лет века) и вычесть оттуда прямые потери от указанных событий (по самым грубым подсчетам - 55 млн), то приблизительные косвенные потери (неродившиеся люди) составили еще около 100 млн. человек.

В новой фазе демографического кризиса, какую мы имеем с 1993 года [4], смертность начинает превышать рождаемость, и мы имеем не рост, а уже демографический спад. Учитывая то, что с учетом всех мер государственного стимулирования за это время ни разу не удалось переломить ситуацию в пользу прироста - это говорит о системном кризисе, разбору причин которых уже посвящены многочисленные работы. Но кризис в таких масштабах может обернуться демографической катастрофой, а, следовательно, большое количество исследований не снижает актуальности темы. Кроме того, колебания результатов влияния одних и тех же стимулирующих мер в отдельные периоды их применения говорит о том, что здесь еще много чего требуется исследовать.

В рамках одной статьи охватить все факторы, влияющие на современную демографию, и предложить меры государственной поддержки, адекватные этим проблемам, невозможно. Проблема слишком широка и многоаспектна.

Но аспекты для формирования некоторых направлений совершенствования правовой базы государственных программ в этой области все же отметим.

Все вышеперечисленные события - это исторический путь России. Он хоть и переплетается с другими народами континента, все - таки является уникальным опытом именно нашего государства.

Демографы на сегодняшний день отмечают снижение рождаемости почти по всему миру. Высокий средний коэффициент рождаемости (более 2.1 ребенка на одну женщину, необходимые для поддержания количества населения на одном уровне) наблюдается только в странах Африки южнее Сахары и Средней Азии и редких странах Ближнего Востока. Однако раньше всех перешли черту воспроизводства населения - государства так называемого «Золотого миллиарда», к коим можно отнести и Россию. Все эти страны имеют одни и те же социальные и демографические тенденции: рост благосостояния, стремление к равенству полов, уменьшение рождаемости, повышенная продолжительность жизни, а следовательно, старение населения и др. Эти тенденции, очевидно, являются универсальными причинами демографического кризиса современных государств.

Будущее государства и общества определяется не столько длительностью жизни, сколько возможностями воспроизводства. Поэтому обратим внимание именно на рождаемость. Если с увеличением продолжительности жизни имеется какая-то определенность: необходима совершенная система здравоохранения, внедрение технологий здоровьесбережения, снижения травматизма и прочее, то со стимулированием рождаемости все намного сложнее. В этом вопросе нет однозначных действенных рецептов.

Почти все исследования демографических проблем с очевидностью показывают, что с ростом благосостояния общества снижается рождаемость. Кроме того, рост благосостояния современной цивилизации идет параллельно с урбанизацией: население из сельской местности перетекает в города. Что между урбанизацией и благосостоянием есть причина, а что - следствие - предмет отдельного изучения. Но эта взаимосвязь очевидна, если мы обратимся к демографическим статистическим показателям стран СНГ. Эти страны имеют общую историю в Российской Империи и СССР, но разную демографическую картину в современности, что позволяет отследить закономерность между приростом населения и его количественными показателями на селе и в городе.

Таблица рождаемости по странам СНГ 2024 год:

Государство	Суммарный коэффициент рождаемости (количество детей на одну женщину)	Соотношение городского/сельского населения, %	Суммарный коэффициент рождаемости в городе	Суммарный коэффициент рождаемости в селе
Российская Федерация	1,41 [5]	75,25/25,31	1,2	1,6
Республика Беларусь	1,081 [6]	78,6/21,4	Сведений нет	Сведений нет
Республика Молдова [7]	1,7	43/57	1,5	1,8
Республика Армения	1,9 (2023 год). В 2024 году - 1,7 [8]	64/36	Сведений по городам нет Столица - 1,18	Сведений по сельской местности нет. В среднем по стране без столицы - 2,2
Азербайджанская Республика [9]	1,4	52,8/47,2	1,3	1,6
Грузия	1,67 [10]	62/38	сведений нет	сведений нет
Республика Казахстан	2,8 [11]	62,7/37,3	2,48	3,44
Кыргызская Республика [12]	2,71	45,5/54,5	1,91	3,23
Республика Таджикистан [13]	3,3	29/71	3,2	3,5
Республика Узбекистан	3,35 По 2023 году - 3,45 [14]	51/49	По 2024 сведений нет По 2023 - 3,39	По 2024 сведений нет По 2023 - 3,51
Туркменистан	2,7 [15]	54/46	сведений нет	сведений нет

Представленная таблица наглядно показывает:

1. Стабильно более высокий суммарный коэффициент рождаемости на селе по сравнению с городом во всех странах, по которым ведется статистика по данному показателю. Здесь дополнительно нужно учитывать то, что во всех странах с большой долей сельского населения также идут процессы урбанизации, то есть население из сел перетекает в города. Но даже несмотря на это, уровень рождаемости на селе выше во всех странах.

2. В странах, где имеется явный перекоп в пользу городского населения (Россия, Белоруссия) - самые слабые показатели рождаемости.

Представленная картина позволяет с определенной уверенностью сказать, что с демографической точки зрения сельский уклад жизни является более приоритетным, чем городской. Отсюда основной вывод настоящей статьи: государственные программы в области демографии должны способствовать формированию сельского уклада жизни. Такой вывод несколько противоречит основным трендам современного государственного управления, где во главу угла ставится экономика с ее прибылью, повышением эффективности производства, развитием рынка, требующего эффективного сбыта, а следовательно концентрации населения. Однако если учитывать, что и производство, и потребление осуществляется людьми, то уменьшение количества людей, естественно, ведет к сжатию потребления, к удорожанию производства, ввиду повышенного спроса на рабочую силу, а значит и ее стоимости. Поэтому все-таки стратегические экономические цели и цели демографической политики являются созвучными.

Из всего вышеуказанного можно сделать вывод о том, что основной проблемой при формировании современных государственных программ поддержки рождаемости и борьбы с демографическим кризисом является выработка оптимальных инструментов, совмещающих цель формирования сельского уклада жизни и сохранения экономической эффективности, присущей городу. Обратимся к национальному проекту «Демография» [16], срок реализации которого должен был завершиться к 2024 году. Среди заявленных федеральных программ, прямо относящихся к повышению рождаемости, относится «Финансовая поддержка семей при рождении детей» и косвенно «Содействие занятости». Остальные рассчитаны на поддержание и увеличение продолжительности жизни существующего населения через спорт, здравоохранение и другие инструменты.

Если посмотреть на содержание этих программ, они, как правило, никак не отражают вопросы сохранения или увеличения числа сельского населения. Все меры поддержки представляют собой какие-либо выплаты или возмещения тех или иных расходов. То есть государственная поддержка сводится к уменьшению материального бремени семей (то есть, по-сути, увеличению их материального благосостояния). Вопросы сохранения семей через материальное связывание членов семей программы не решают. Безразлично программы относятся и к мерам стимулирования проживания на селе. Так программы материнского капитала или льготного кредитования приобретения или строительства жилья совершенно не делают разницы между тем, будет ли жилье приобретаться в сельской местности или в городе, будет ли это квартира или отдельный дом с земельным участком. Между тем жилищные условия - это именно то, что отличает сельский образ жизни от городского: простор, свобода при необходимости совместного труда по ведению хозяйства. В большей части именно эти факторы, на наш взгляд, и определяют традиционно более высокую рождаемость на селе. Проживание в квартире лишает человека простора и при этом снимает проблему совместного труда по содержанию жилья, ибо большинство вопросов по содержанию решаются коммунальными службами. Сложно представить малоконфликтное проживание многодетной семьи, в которой более трех детей даже в самой большой из стандартных квартир. Городской образ жизни в квартире мало подходит для распространения идеи нормальности многодетности. Исходя из изложенного, считаем, что программы поддержки семей, особенно, если речь идет о стимулировании многодетности, должны делать определенный акцент на переток некоторой части городского населения в сельскую местность,

особенно при том, что в стране приоритетно развивается сельское хозяйство. Альтернативой перемещению населения в село может быть стимулирование воспроизведения сельского быта в городе, в частности, стимулирование индивидуального жилищного строительства вместо многоквартирного, развитие более свободных градостроительных правил при реконструкции индивидуального жилья, стимулирование ведения подсобного хозяйства и др.

Урбанизм, кроме переформатирования жилищного вопроса традиционной семьи, перевернул представления и об общественном труде и культуре производства. Эта проблема не нова, такая трансформация известна давно. Так К. Арсеньев еще в середине XIX века давал такое описание демографических явлений в некоторых губерниях России: «У нас самое большое приращение в числе народа видно в губерниях, преимущественно земледелием занимающихся; мануфактурные губернии представляют менее выгодные пропорции насчет умножения жителей; самые же незначительные успехи заметны в тех губерниях, которые выпускают многочисленные толпы обитателей своих для разных промыслов и заработков по всем краям государства, особенно в столице: этим можно и должно объяснить причину бедного народонаселения в губерниях Владимирской, Костромской и Ярославской. Что же касается до чрезвычайно высокой пропорции приращения народа в губерниях Оренбургской и Саратовской, то это происходит в особенности от великого множества переселенцев, приходящих сюда ежегодно из внутренних малоземельных людных губерний»[17, с. 19-20].

Другими словами, города с развитым мануфактурным производством характеризовались слабым приращением населения. И это при том, что туда стекалось население из прочих регионов. С веками эта тенденция стала особенно заметна. Характер и особенности вовлеченности населения городов в общественное производство не способствуют росту количества собственного населения. Рост населения в городах во многом обусловлен дополнительным притоком из прочих мест. Особенность городского общественного производства, в отличие от традиционного, в том, что происходит полное разделение работы на домохозяйство от работы на общество. Создание общественного блага (а параллельно и блага семьи) осуществляется не внутри домохозяйства, как это имеет место при традиционном укладе, а отдельно от него - на предприятии. В условиях, когда более 70 % населения живет в городе и, соответственно, вынуждено почти 100% своего благосостояния приобретать не внутри домохозяйства и тратить на это не менее 3/4 своей дневной активности, сложно выработать универсальный стимул, чтобы склонить членов домохозяйства к рождению детей, а тем более к многодетности. Здесь именно государству принадлежит главенствующая роль, с одной стороны, в ограничении «аппетитов» производства по эксплуатации труда человека, а, с другой стороны - обеспечение перехода к обществу большей части обязательств членов традиционной семьи по ведению домохозяйства: особенно в части воспитания детей. В настоящий же момент мы видим иную картину. Да большую часть проблем с обслуживанием жилища семьи (функция, обычная для членов традиционной семьи) в городе берут на себя коммунальные коммерческие компании. Для переноса функции воспитания молодого поколения из семьи в общество есть детские сады и школы. Однако все больше просматривается тенденция к тому, что образовательные учреждения также начинают переводиться на «коммерческие рельсы». Большинство показателей эффективности руководителей образовательных учреждений и эффективности самих учреждений све-

дены к финансовым показателям. Главным итогом такого подхода является то, что в целях сокращения издержек, образовательные учреждения системно перекалывают воспитательные и образовательные функции обратно на семью. В итоге получаем ситуацию, когда городская нуклеарная семья должна, оторвавшись от своего домохозяйства, посвящать себя одновременно и общественному производству и всем тем функциям, которые обычно выполняются членами традиционной большой семьи: уход за жилищем, воспитание и образование молодого поколения (которым традиционно занимались старики, отсутствующие в современной нуклеарной семье).

Таким образом, обобщая вышесказанное сделаем два вывода, касающихся направления развития программ по демографии:

1. Программы должны стимулировать торможение урбанизации, а не ее развитие. Важно в мерах государственной поддержки семей, связанных с улучшением жилищных условий, стимулирование приобретения его в сельской местности или в городе, но в пользу индивидуального жилого дома с земельным участком. Действующие льготные ипотечные программы, которые рассчитаны на поддержку семьи, не зависят от того, где и какое по характеру приобретается жилье. Семья сама решает этот вопрос. Однако в идентичных условиях кредитования и для села, и для города, естественно, семьи делают выбор в пользу размещения в городской квартире, ибо, во-первых, более 70 процентов населения России является городским и менять привычный быт при прочих равных условиях вряд ли будет, во-вторых, цены на квартиры зачастую ниже индивидуального жилья за счет особенностей объекта капитального строительства (общие элементы конструкции многоквартирных домов уменьшают себестоимость жилья). Более того, государственные программы в области демографии одновременно направлены на поддержку строительной отрасли и рассчитаны на формирование спроса на новое жилье. Но очень небольшая часть строительных компаний профилируется на индивидуальном жилищном строительстве. В основном - это многоквартирные дома, ибо для застройщиков они экономически выгоднее. Индивидуальное жилье компаниями строится в основном под частные заказы. Отсюда и такой перекоп в пользу использования средств государственной поддержки на приобретение именно квартир, а не индивидуальных домов.

Справедливости ради, стоит отметить, что ряд субъектов РФ для поддержания рождаемости выдает при рождении третьего ребенка в семье земельные участки. Однако, как правило, эти земельные участки находятся далеко от коммуникаций и имеют слабую связь с существующими населенными пунктами. Как правило, такие программы рассчитаны на застройку необжитых территорий. Более того, предоставление многодетной семье только земли часто приводит к тому, что семья просто продает эту землю, поскольку не имеет ресурсов для возведения самого дома.

2. Государству, помимо «монетарной» поддержки семьи нужно создавать материальные условия для высвобождения времени членов семьи на занятие домоводством, в том числе связанным с рождением и воспитанием детей. Современное производство полностью ориентируется на прибыль, что очень тяжело совмещается с какими-то социальными проектами, которые в большинстве случаев затратны и приводят к убыткам. Развитие образовательных учреждений должно идти в направлении не связанном с финансовой эффективностью. Цель образовательных учреждений - не финансовая выгода, а обслуживание интересов общественного производства, семьи, личности. Поэто-

му критерии ее эффективности должны быть привязаны не к доходу условной школы, а к тому, насколько полезной школа является для общества, семьи, государства, демографии и т.п. Сама школа может быть убыточной, и это нужно принять как данность.

Программы в области развития образования должны быть ориентированы не только на получение знаний, но и на высвобождение родителей от участия в реализации школой образовательных программ. Поскольку современная урбанизация требует максимального ухода трудоспособных членов семьи из семьи в общественное производство, то именно общественная образовательная сфера должна брать на себя функцию образования молодого поколения и минимально вовлекать родителей в реализацию образовательных программ.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest. The author declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики. Автор заявляет о соответствии исследования этическим принципам.

Ethics Approval. The author declare that the study complies with all applicable ethical principles.

Список источников

1. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897-1914 гг. [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html (дата обращения: 19.10.2025).

2. Залесский К.А. Потери русской армии в Первой мировой войне // Москва. 2014. [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://moskvam.ru/publications/publication_1204.html (дата обращения: 19.10.2025).

3. Почешхов Н.А., Абрегова Ж.О., Шхачемуков Р.М. Потери населения в годы гражданской войны в России (1917-1922 ГГ.): дискуссионное пространство исторической демографии // Современная научная мысль. 2020. № 6. [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://cyberleninka.ru/article/n/poteri-naseleniya-v-gody-grazhdanskoy-voyny-v-rossii-1917-1922-gg-diskussionnoe-prostranstvo-istoricheskoy-demografii/viewer>. С. 63-68 (дата обращения: 19.10.2025).

4. Волуйская М. Зырянова Ю. Демографические взлеты и падения в России за последние 30 лет. Инфографика [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://aif.ru/society/people/demograficheskie_vzlety_i_padeniya_v_rossii_za_poslednie_30 лет_infografika (дата обращения: 19.10.2025).

5. Суммарный коэффициент рождаемости в РФ в 2024 году составил 1,4. [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://tass.ru/obschestvo/23514297> (дата обращения: 19.10.2025).

6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу:

<https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101200011> (дата обращения: 19.10.2025).

7. Банк данных статистики Республики Молдова [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу:

https://statbank.statistica.md/PxWeb/pxweb/en/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice__POP030/POP032300.px/?rxid=9a62a0d7-86c4-45da-b7e4-fecc26003802 (дата обращения: 19.10.2025).

8. Статистический комитет Республики Армения. Динамические ряды. [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://www.armstat.am/ru/?nid=12&id=11011&submit=Поиск> (дата обращения: 19.10.2025).

9. Государственный статистический комитет Республики Азербайджан: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://www.stat.gov.az/source/demography/?lang=en> (дата обращения: 19.10.2025).

10. Дж. Фишер Демографические итоги Западной Азии в 2024 году [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://jaredfisher.livejournal.com/53591.html> (дата обращения: 19.10.2025).

11. Дусумов Р. Суммарный коэффициент рождаемости падает третий год подряд // Международное информационное агенство «Казинформ». 01 апреля 2025. [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://www.inform.kz/ru/summarniy-koeffitsient-rozhdaemosti-padaet-tretiy-god-podryad-9c4c25> (дата обращения: 19.10.2025).

12. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/> (дата обращения: 19.10.2025).

13. Агентство статистики при Президенте Республики Таджикистан. Аналитические таблицы. [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://www.stat.tj/ru/analiticheskie-tabliczy/> (дата обращения: 19.10.2025).

14. Демография Узбекистана [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_Uzbekistan (дата обращения: 19.10.2025).

15. Три ребёнка на семью: рождаемость в странах Центральной Азии снижается, но пока остаётся выше мирового уровня [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://azh.kz/ru/news/view/109870> (дата обращения: 19.10.2025).

16. Правительство Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 19.10.2025).

17. К. И. Арсеньев Исследования о численном отношении половъ въ народонаселении Россіи. // Журнал Министерства внутренних дел, 1844, № 5, С. 5-47 [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB12050051?page=24&rotate=0&theme=white (дата обращения: 05.11.2025).

References

1. Sifman, R.I. Dynamics of the Russian Population in 1897-1914. [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html (accessed: 19.10.2025).
 2. Zalessky, K.A. Losses of the Russian Army in the First World War. Moscow, 2014. [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://moskvam.ru/publications/publication_1204.html (accessed on 19.10.2025).
 3. Pocheshkhov N.A., Abregova Zh.O., Shkhachemukov R.M. Population Losses during the Russian Civil War (1917-1922): A Discussion on Historical Demography // Modern Scientific Thought. 2020. No. 6. [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://cyberleninka.ru/article/n/poteri-naseleniya-v-gody-grazhdanskoy-voyny-v-rossii-1917-1922-gg-diskussionnoe-prostranstvo-istoricheskoy-demografii/viewer>. Pp. 63-68 (accessed: 19.10.2025).
 4. Voluiskaya M. Zyryanova Yu. Demographic Ups and Downs in Russia over the Past 30 Years. Infographics [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://aif.ru/society/people/demograficheskie_vzlety_i_padeniya_v_rossii_za_poslednie_30_let_infografika (accessed on 19.10.2025).
 5. The total birth rate in the Russian Federation in 2024 was 1.4. [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://tass.ru/obschestvo/23514297> (accessed on 19.10.2025).
 6. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Information and Analytical System for Dissemination of Official Statistical Information [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101200011> (accessed on 19.10.2025).
 7. Statistics Bank of the Republic of Moldova [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://statbank.statistica.md/PxWeb/pxweb/en/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice__POP030/POP032300.px/?rxid=9a62a0d7-86c4-45da-b7e4-fecc26003802 (accessed: 10/19/2025).
 8. Statistical Committee of the Republic of Armenia. Dynamic series. [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://www.armstat.am/ru/?nid=12&id=11011&submit=Search> (accessed on 19.10.2025).
 9. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan: official website. [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://www.stat.gov.az/source/demography/?lang=en> (accessed on 19.10.2025).
 10. J. Fisher Demographic Results of Western Asia in 2024 [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://jaredfisher.livejournal.com/53591.html> (accessed on 19.10.2025).
 11. Dusumov R. Total Fertility Rate Falls for the Third Consecutive Year // International News Agency "Kazinform". April 1, 2025. [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://www.inform.kz/ru/summarniy-koeffitsient-rozhdaemosti-padaet-tretiy-god-podryad-9c4c25> (accessed on 19.10.2025).
-

12. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic: official website. [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/> (accessed on 19.10.2025).

13. Agency of Statistics under the President of the Republic of Tajikistan. Analytical tables. [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://www.stat.tj/ru/analiticheskie-tabliczy/> (accessed on 19.10.2025).

14. Demographics of Uzbekistan [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_Uzbekistan (accessed on 19.10.2025).

15. Three children per family: The birth rate in Central Asian countries is decreasing, but it is still higher than the global average [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://azh.kz/ru/news/view/109870> (accessed on 19.10.2025).

16. Government of the Russian Federation: official website. [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <http://government.ru/info/35559/> (accessed on 19.10.2025). K.I. Arsenyev's Research on the Numerical Ratio of Males and Females in the Population of Russia. // Journal of the Ministry of Internal Affairs, 1844, No. 5, pp. 5-47 [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB12050051?page=24&rotate=0&theme=white (accessed on 05.11.2025).

Сведения об авторах: Акопян Арсен Вазгенович, SPIN-код: 1448-3473, AuthorID: 623052, ORCID 0000-0001-7005-2138, e-mail: mex_arsen@rambler.ru.

Для цитирования: Акопян, А.В. (2025) Жилищный вопрос и образование, как источники демографических проблем в условиях урбанизации (о направлениях реформирования национальных проектов). *Вопросы государства и права*, № 4(11). с. 25-35, <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-25-35>.

Получена: 10 ноября 2025; прошла рецензирование 12 ноября 2025; принта 20 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А.В. Акопян (2025) Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Authors: Arsen V. Akopyan, SPIN-код: 1448-3473, AuthorID: 623052, ORCID 0000-0001-7005-2138, e-mail: mex_arsen@rambler.ru.

For citation: Akopyan, A. V. (2025) Housing and education as the basis of basic demographic problems in the context of urbanization (on the directions of reforming national projects). *Questions of State and Law*, no. 4(11), pp. 25-35. <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-25-35>.

Received 10 November 2025; reviewed 12 November 2025; accepted 20 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. V. Akopyan (2025). Published by Bunin Yelets State University. Open access under CC BY-NC License 4.0.

**ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ**

К.В. Билык

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85
(г. Белгород, Россия)

***Резюме.** Актуальность темы обусловлена конституционным закреплением воспитания не только как права и обязанности, но и как обеспечительного механизма реализации государственной политики в различных сферах. Цель статьи – обосновать статус правового воспитания как системообразующего элемента государственной политики; проанализировать его структуру, инструментарий и потенциал трансляции на другие сферы публичной политики через призму социокультурного механизма формирования правовой культуры. Результаты исследования показали, что правовое воспитание, в отличие от иных видов воспитательного воздействия, обладает универсальным потенциалом, поскольку интегрирует нравственные, культурные и правовые ориентиры; оно апробировано в практике через образовательные стандарты, социальную рекламу, интерактивные технологии и психолого-педагогическое тестирование. В статье обосновано, что критерий «воспитание уважительного отношения к традиционным российским ценностям» должен стать обязательным оценочным инструментом на стадиях правотворчества и реализации государственных программ, что позволит обеспечить системность и результативность воспитательного воздействия.*

Актуальность темы обусловлена конституционным закреплением воспитания не только как права и обязанности, но и как обеспечительного механизма реализации государственной политики в различных сферах. Цель статьи – обосновать статус правового воспитания как системообразующего элемента государственной политики; проанализировать его структуру, инструментарий и потенциал трансляции на другие сферы публичной политики через призму социокультурного механизма формирования правовой культуры. Результаты исследования показали, что правовое воспитание, в отличие от иных видов воспитательного воздействия, обладает универсальным потенциалом, поскольку интегрирует нравственные, культурные и правовые ориентиры; оно апробировано в практике через образовательные стандарты, социальную рекламу, интерактивные технологии и психолого-педагогическое тестирование. В статье обосновано, что критерий «воспитание уважительного отношения к традиционным российским ценностям» должен стать обязательным оценочным инструментом на стадиях правотворчества и реализации государственных программ, что позволит обеспечить системность и результативность воспитательного воздействия. Особое внимание уделено роли правовой культуры как системной основы, а также необходимости унификации воспитательных подходов на федеральном уровне для достижения конституционных целей.

Ключевые слова: воспитание, государственная политика, культура, конституционное право, публично-правовое регулирование, правовая культура

DOI 10.24888/2949-3293-2025-4-11-36-48

LEGAL EDUCATION AS A SYSTEM-FORMING ELEMENT OF STATE POLICY

Kirill V. Bilyk

Belgorod State National Research University
308015 Belgorod, Pobedy Street, 85
(Belgorod, Russia)

Abstract. *The relevance of the topic is due to the constitutional consolidation of education not only as a right and duty, but also as a security mechanism for the implementation of state policy in various fields. The purpose of the article is to substantiate the status of legal education as a system-forming element of public policy; to analyze its structure, tools and potential for translation into other spheres of public policy through the prism of the socio-cultural mechanism of legal culture formation. The results of the study showed that legal education, unlike other types of educational influence, has universal potential, since it integrates moral, cultural and legal guidelines; it has been tested in practice through educational standards, social advertising, interactive technologies and psychological and pedagogical testing. The article substantiates that the criterion of "fostering respect for traditional Russian values" should become an obligatory assessment tool at the stages of law-making and implementation of state programs, which will ensure the consistency and effectiveness of educational impact.*

The relevance of the topic is due to the constitutional consolidation of education not only as a right and duty, but also as a security mechanism for the implementation of state policy in various fields. The purpose of the article is to substantiate the status of legal education as a system-forming element of public policy; to analyze its structure, tools and potential for translation into other spheres of public policy through the prism of the socio-cultural mechanism of legal culture formation. The results of the study showed that legal education, unlike other types of educational influence, has universal potential, since it integrates moral, cultural and legal guidelines; it has been tested in practice through educational standards, social advertising, interactive technologies and psychological and pedagogical testing. The article substantiates that the criterion of "fostering respect for traditional Russian values" should become an obligatory assessment tool at the stages of law-making and implementation of state programs, which will ensure the consistency and effectiveness of educational impact. Special attention is paid to the role of legal culture as a systemic basis, as well as the need to unify educational approaches at the federal level in order to achieve constitutional goals.

Keywords: education, public policy, culture, constitutional law, public law regulation, legal culture

Актуальность темы исследования обусловлена конституционной трансформацией категории «воспитание» в российской правовой системе, где она перестала быть исключительно частным или публичным феноменом и приобрела статус публично-

правового института, встроенного в реализацию стратегических направлений государственной политики. Конституция Российской Федерации закрепляет воспитание не только как право и обязанность, но и как обеспечительный механизм достижения целей в различных сферах. Это означает, что воспитание становится не просто инструментом формирования личности, а обязательным элементом государственной политики, направленным на укрепление традиционных российских ценностей, гражданской идентичности и правовой культуры общества. В условиях вызовов современности – от межэтнической напряженности до экологических кризисов и роста правового нигилизма – государство все более осознанно использует воспитание как ресурс устойчивого развития и легитимации публичной власти, что требует научного осмысления и правового оформления этого процесса.

Особую научную и практическую значимость приобретает правовое воспитание, которое в юридической доктрине и нормативной практике демонстрирует наибольшую структурную зрелость и методологическую разработанность по сравнению с иными видами воспитательного воздействия. Оно не только интегрирует нравственные, культурные и правовые ориентиры, но и апробировано в реальных условиях через образовательные стандарты, социальную рекламу, интерактивные технологии и психолого-педагогическое тестирование. При этом правовое воспитание обладает потенциалом стать универсальной моделью для трансляции воспитательных практик в другие сферы государственной политики — языковую, экологическую, национальную. Однако отсутствие единообразного подхода к его понятийному аппарату, а также фрагментарность нормативного регулирования препятствуют системной реализации его потенциала. В этих условиях научное обоснование роли правового воспитания как системообразующего элемента государственной политики, а также разработка критериев его эффективности – в частности, «воспитания уважительного отношения к традиционным российским ценностям» – становятся не просто теоретической задачей, а практической необходимостью для обеспечения конституционных целей и устойчивого развития российской государственности. В современной российской правовой системе категория «воспитание» приобретает всё более выраженный публично-правовой характер, трансформируясь из частного, педагогического или семейного феномена в инструмент реализации стратегических целей государства. Конституционное закрепление воспитания не только как права и обязанности (ст.ст. 38, 39), но и как обеспечительного механизма достижения целей в сферах культуры, языка, экологии и национальной политики (ст.ст. 26, 67.1, 71, 72) позволяет выделить особую – государственно-политическую – форму воспитания. В рамках данного исследования центральное внимание уделено её культурному сегменту, выступающему в качестве системообразующей основы, от которой производны иные направления государственной политики – языковая, национальная, информационная. Анализ нормативных актов, включая Основы государственной культурной и языковой политики, а также доктринальных источников, свидетельствует: воспитание здесь функционирует не как самостоятельный процесс, а как встроенный элемент комплексных мер, направленных на формирование в сознании личности уважительного отношения к традиционным российским ценностям. Цель данной статьи — проанализировать правовую природу культурного сегмента государственно-политических форм воспитания, выявить его структуру и обосновать необходимость

его нормативной унификации как ключевого элемента обеспечения результативности государственной политики в целом.

В системе отечественных правовых актов имеют место ряд источников, призванных закрепить стратегические основы и /или обеспечить регулирующее воздействие на уже устоявшиеся правовые, как правило, междисциплинарные, институты с обязательной воспитательной составляющей. К таковым следует отнести, в первую очередь, Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [2], которые на современном этапе составляют базис регламентации предметных и связанных с ними отношений, а исходя из содержательного контекста, определяют производные от конституционно-детерминированных приоритеты (все еще актуальные на данном этапе) и ориентиры, в том числе для правового воспитания. Так, характер и уровень воспитания фигурируют в перечне основных факторов, влияющих на состояние правовой грамотности и правосознания граждан (п. 12 разд. II); взаимосвязь видовых вариаций воспитания «на общей нравственной основе» отнесена к принципам данного направления государственной политики (разд. III); развитие правового воспитания (наряду с правовым образованием) заявлено в рамках одной из ее целей (п. 15 разд. IV); задействована эта категория и для формулировки мер государственной политики в области образования и воспитания подрастающего поколения, юридического образования и подготовки юридических кадров (п. 18 разд. VII). При этом направленность на формирование (повышение уровня) правовой культуры, как проблемно-тематически связанной категории, указывается в документе значительно чаще – одиннадцать раз, причем охвачено семь разделов документа из десяти. Контекстно к вышеуказанным политико-правовым и стратегическим актам, косвенно связанным с обеспечением и реализацией правовой политики государства в ее воспитательном аспекте также можно отнести указы Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» [3], «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [5] и другие, а в праворегулятивном ключе – даже Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» [1].

Выделенное направление государственной политики в аспекте научного осмысления ее ключевых категорий также не отличается единообразием и унификацией [13, с. 24-32], однако в предметных юридических исследованиях, учитывая достаточно длительный период осмысления профильной проблематики, уже сформировались определенные тенденции в ее интерпретации, и, главное, накоплен значительный доктринальный и основанный на нем практический опыт формирования правовой культуры (наряду с иными взаимосвязанными ее разновидностями, включая эколого-правовую культуру), особенно в воспитательном контексте.

Так, среди устоявшихся позиций можно назвать выделение в качестве более широкой по содержанию категории «правовое просвещение» [11, с. 179-188; 16, с. 77-78], одним из основных инструментов которой, как и фактором целевой государственной политики, выступает правовое воспитание. К примеру, вызывают определенный исследовательский интерес изыскания А.С. Доценко, включая основополагающую интерпретационную позицию: «... правовое просвещение представляет собой самостоятельное направление государственной политики. Реализуемые в системе правового просвещения мероприятия выступают своеобразным инструментом формирования правовой

культуры, стимулируют активное правомерное поведение индивидуумов. Целью правового просвещения является обеспечение полноценной правовой социализации человека, а конечным ожидаемым результатом – становление высокой правовой культуры общества» [11, с. 179-188]. При этом автор в очередной раз подтверждает отсутствие единого подхода к определению предметных категорий (и даже их диаметральность), включая правовое просвещение, но подчеркивает, что последнее «... в большинстве случаев дефинируется в различных соотношениях с такими юридическими категориями, как правовая культура (в том числе с отдельными ее элементами, например правосознанием), правовое образование, правовое обучение, правовое воспитание, правовое информирование» [11, с. 179-188]. И в данной связи видится перспективным для осмысления и учета в практической сфере сформулированный резюмирующий вывод: «Правовое образование, правовое воспитание и обучение включены в правовое просвещение в той же степени, в которой правовое просвещение включено в них, при этом правовое просвещение является содержательно более широкой категорией» [11, с. 179-188]. Учитывая изложенное, а также предметные точки зрения иных исследователей, видится возможным предположить следующее: акцент исследовательского внимания на правовом просвещении в контексте взаимовлияния на правовое воспитание позволяет обоснованно выделить в перспективной системе воспитания отдельный аспект, который должен быть обязательным на каждом уровне образования, а также учитывать вариации последующих этапов развития личности во взаимосвязи с обучением (примерная формула воспитательного воздействия выглядит так: получаешь новые знания – должен получить и сопутствующий правовой воспитательный «багаж»).

При этом, пожалуй, научные исследования рассматриваемой тематики, в сравнении с иными направлениями государственной политики, чаще всего непосредственным и/или взаимосвязанным предметом определяют именно правовое воспитание [6, с. 309-310; 7, с. 269-277; 8, с. 111-115; 9, с. 40-44; 10, с. 112-117; 15, с. 67-72], причем интерес к этому вопросу не угасает и на современном этапе. Соответственно, можно обоснованно предположить, что именно здесь представлен наибольший объем инструментов воспитательного воздействия, которые не только постулированы, но и, как правило, апробированы в реальных условиях. Это позволяет выделить правовое воспитание как обеспечительный элемент соответствующего вида культуры и политики государства, который может претендовать на статус потенциально универсального.

В данной связи, как представляется, все еще актуальна точка зрения, согласно которой процессы, связанные с формированием правовой культуры и повышением уровня правосознания российских граждан, продолжают «набирать обороты». При этом российское государство настойчиво старается «... воспитывать в гражданах убеждения, что знание права, участие в праве, правовая воспитанность – это необходимые элементы успешной жизнедеятельности, экономического благосостояния нации вообще и отдельных лиц. А ... формирование и развитие правосознания личности и социальных групп осуществляются в результате сложного взаимодействия социальных факторов (социально-экономических и политических условий, культурной и идейной жизни, нравственной атмосферы и состояния законодательства) и целенаправленной идеологической, воспитательной деятельности общества» [16, с. 77-78]. Дополним, что obligated субъектом-инициатором воспитания здесь следует рассматривать не только общество, но и саму личность на определенных этапах ее формирования (к примеру, в

части самовоспитания), и государство в целом. Однако в контексте заявленной проблематики интересна и производная позиция автора: в отличие от социализации «воспитание пользуется лимитированным объемом средств и методов и ставит перед собой конкретизированные, ограниченные временными рамками цели» [16, с. 77-78]. Данный подход созвучен вышеизложенным рассуждениям об обеспечительном потенциале воспитания, в том числе правового, в контексте комплекса мер соответствующего направления государственной политики. Причем снова акцент сделан на методах воспитания.

Дополняют заявленный тезис и последующие научные изыскания отдельных авторов в части расширения спектра методов правового воспитания, придания им более современной формы и содержательного наполнения [9, с. 40-44], с учетом комплексного характера воспитательного воздействия (юридического, педагогического, психологического и пр.) [10, с. 112-117]. При этом имеет место, в том числе поддержка и развитие позиции ученых-конституционалистов, согласно которой правовое воспитание, наряду с профильными обучением и образованием, выступает именно средством трансляции правовой культуры. Поэтому, что следует подчеркнуть и поддержать, «важно определиться с методикой правового воспитания и просвещения детей с учетом изменяющейся социокультурной среды, возрастных и психологических особенностей несовершеннолетних» [9, с. 40-44]. Видится, что данный вывод вполне может быть адресован не только детям, но и личности в целом, адаптивно – применительно к различным этапам ее формирования. В свою очередь представляется допустимым расширить предложение по использованию в процессе правового воспитания интерактивных методов и инновационных технологических проектов, в том числе исследуемых и используемых за рубежом [9, с. 40-44], дополнив или ассимилировав наиболее перспективные и адаптивные из них с уже апробированным отечественным «инструментарием» воспитательного воздействия, к примеру, интенсивно развивающейся в аспекте качества контента и степени восприимчивости адресатами социальной рекламы (особенно, в социальных сетях и СМИ, в веб- и медиапространстве [7, с. 269-277; 13, с. 24-32] в целом).

В продолжение следует обратить особое внимание на научные результаты М.Ю. Осипова, которые, как представляется, можно использовать в качестве системообразующих для обеспечения реализации комплексной формы воспитания: «Социокультурный механизм формирования и трансляции правовой культуры представляет собой систему социальных и культурных средств, при помощи которых формируются и транслируются образцы правовой культуры. К числу основных элементов этого механизма можно отнести: а) источники права; б) общественную среду; в) социокультурную таблицу; г) средства трансляции: правовое обучение, правовое воспитание, правовое образование; д) продукт правовой культуры; е) культуру правотворческого органа; ж) культуру правоприменительного органа. ... Анализ данного механизма показывает, что нормы, содержащиеся в источниках права, посредством информационного правового воздействия направляются в социальную среду, где просеиваются через так называемую социокультурную таблицу, которая транслирует только те нормы, которые соответствуют ценностям общества, закрепленным в социокультурной таблице. Затем благодаря средствам трансляции правовой культуры получают продукты культуры в виде культурных элементов» [17, с. 21-24]. Выражая уважение автору за его концептуальный, комплексный и при этом практикоориентированный подход, видится возмож-

ным взять его за основу для нормативной правовой регламентации и практического внедрения воспитательной составляющей практически в любое направление государственной политики, начиная с уже сложившихся и достаточно устойчивых, которые на данном этапе допустимо ассоциировать именно с комплексной формой воспитания. То есть по предложенной схеме можно системно внедрять и реализовывать унифицированный воспитательный конструкт, приоритетно и прямо ориентированный на формирование у адресата уважительного отношения к традиционным российским ценностям. Причем конкретный состав таких целеполагающих ценностей может быть как общим (нормативно закрепленным в перечне [4]), так и дифференцированным, исходя из предметной специфики отдельного направления государственной политики. Однако во втором случае профильным органам государства, регламентирующим нормативные правовые основы соответствующего направления, необходимо четко контролировать вопрос о включенности в государственную политику в целом всех ценностей указанной категории, не допускать игнорирования или минимизации значения отдельных из них. Следовательно, первый вариант видится предпочтительным, как минимум, в аспекте реализации правотворческой деятельности (а в перспективе – и правообеспечительной в целом).

На наш взгляд, правовая культура тесно переплетается с иными видами культуры (национальной, языковой, особенно – экологической и др.), что находит свое подтверждение и в правовых, и в доктринальных источниках. Однако именно правовой культуре преимущественно отводится системообразующая роль. В частности, в юридической доктрине до сих пор остается дискуссионным вопрос о масштабах правового воспитания как ее обязательного элемента – от охвата всех сфер жизнедеятельности личности до ассоциирования только с целенаправленными процессами (образования, просвещения и пр.). При этом постулируется и, как правило, не подвергается критической оценке прямая взаимосвязь и даже единство [10, с. 112-117; 13, с. 24-32] правового воспитания и иных видов воспитательного воздействия на личности (гражданского, семейного и пр.). Системно-обеспечительный характер именно правового воспитания появляется и в его принципах, предложенных в научной литературе: «...всеобщность в силу направленности правового воспитательного воздействия на всех членов общества; многоформатность соответственно множественности субъектов, осуществляющих правовое воздействие на личность, – системы воспитательных и образовательных организаций, института семьи, государства в лице его органов и должностных лиц и др.; общая целевая направленность на формирование правокультурной личности» [10, с. 112-117]. Представляется, будучи достаточно разработанной структурно и инструментально, именно правовая культура должна выступать как обязательный спутник всех видов культуры и сегментировано нормативно отражаться в рамках каждого направления государственной политики. Следовательно, воспитательному конструкту, который является неотъемлемой составляющей и каждого вида культуры (как и культуры в целом), и каждого направления государственной политики по их обеспечению, должна быть придана допустимо унифицированная и максимально устойчивая юридическая форма, пронизывающая политику нашей страны во всех ее проявлениях. При этом, признавая правовую культуру и, как следствие, правовое воспитание элементами-спутниками, такая форма должна быть качественно технико-юридически сконструиро-

вана и нормативно закреплена на федеральном уровне. Представляется, подзаконный уровень здесь вполне функционально обоснован и оптимален.

В подтверждение системообразующей роли правового воспитания во взаимосвязи с правовой культурой можно привести точку зрения К.Ю. Логиновой: «... современное правовое воспитание ... как систематическая деятельность государственных органов, направленная на формирование правовой культуры и правосознания ..., неразрывно связано с духовно-нравственной составляющей жизни общества. Само отношение к праву как к ценности, способной воплотить стремление к социальной справедливости, зарождается в недрах духовности, высокой нравственности. ... Учитывая органическую связь права и морали, можно с уверенностью сказать, что правовое воспитание ... – это одно из направлений целостного духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения» [15, с. 67-72]. При этом одним из ключевых аспектов правового воспитания автор постулирует «воспитание положительного отношения к нормам права и выработку устойчивых навыков (поведенческих стереотипов) правомерного поведения. Ориентация на духовно-нравственный фундамент позволит к тому же не только воспринять границу дозволенного правом, но и определить иную границу, не допускающую за пределы нравственного – в пограничную зону еще правомерного, но уже безнравственного поведения...» [15, с. 67-72]. Созвучна данной позиции и точка зрения Т.В. Петровой: «... ценностные доминанты выступают исходным инструментом формирования ценностных ориентаций зрелой личности, регулирующих социальное поведение человека, включая диспозицию личности, её установки, интересы, порождая мировоззрение. Знание объективной действительности права указывает на возможное изменение ценностного пространства в обществе, вытесняет и преодолевает имеющиеся уже в обществе негативные стереотипы и заблуждения. При формировании правовых ценностей концентрируется знание о сущности и содержании права, развивается эталон представлений о правильном, справедливом, гуманном общественном порядке» [19, с. 45-54]. При этом дополнительным аргументом в пользу нашей позиции на данном этапе исследования также выступает следующая мысль автора: «В условиях развития демократического правового государства при быстро меняющихся тенденциях глобализма, инновационной активности в различных сферах жизнедеятельности государством создается единое культурное пространство, сохраняя и преумножая традиционную культуру, что формирует необходимость закрепления в действующем законодательстве единых устойчивых понятий для толкования и реализации методов регулирования общественных отношений в методологических измерениях» [19, с. 45-54]. В свою очередь многие авторы, рассуждая о различных ценностных ориентирах, одним из аспектов обеспечения реальности последних называют уважительное к ним отношение. В частности, право как ценность, его уважение в целом остается актуальным научным тезисом уже много лет, причем и при рассмотрении проблематики правового воспитания и (или) формирования правовой культуры [19, с. 45-54; 21, с. 59-67].

Выделяя и подчеркивая потенциал воспитательной составляющей в рамках каждого направления государственной политики, считаем, что «красной линией» в процессе ее правового регулирования и практической реализации может выступить «критерий воспитания уважительного отношения к традиционным российским ценностям», постулируемый как обязательный инструментально-обеспечительный элемент. То есть он должен выступать как оценочный критерий, в первую очередь, в процессе и правотвор-

чества, а в перспективе – и правоприменения (к примеру, создаем норму права, разрабатываем государственную программу и пр. – методически едино оцениваем их на предмет учета и системности атрибутивного обеспечения, перспектив реального формирования указанного отношения к ценностям и т.п.). Представляется, выстраивание реальной системы воспитания с опорой на данный критерий позволит минимизировать уже имеющиеся недочеты и разночтения, особенно, если методику профильной оценки разработать с привлечением научно-педагогического сообщества, а также на стадии планирования и проектной разработки направления государственной политики субсидиарно привлекать представителей общественности к использованию указанного критерия.

Также видится целесообразным провести предварительно ревизию содержания и инструментария каждого уже реализуемого комплекса мер и мероприятий, методов, способов и средств (воспитательного воздействия) в рамках соответствующих направлений государственной политики, выделить в каждом из них наиболее успешные практики, проанализировать их с целью перспективной унификации и задействовать для системного внедрения и реализации воспитательной составляющей. В частности, одним из перспективных инструментов воспитательного воздействия следует назвать социальную рекламу в социальных сетях и медиа. А приоритетными для «ревизии» можно обозначить направление правовой политики.

Подводя итоги осуществленного исследования, отметим, что наиболее емким по содержанию и накопленному опыту (инструментарии) воспитательного воздействия признано правовое направление политики российского государства; уточнено, что в научно-исследовательской сфере именно категория «правовое воспитание» нередко выступает самостоятельным предметом исследования. Здесь сформулировано предположение, согласно которому акцентуация на правовом просвещении в контексте взаимовлияния на правовое воспитание позволяет обоснованно выделить в перспективной системе воспитания отдельный аспект, который должен быть обязательным на каждом уровне образования, а также учитывать вариации последующих этапов развития личности во взаимосвязи с обучением. Соответственно, предложено выделить правовое воспитание как обеспечительный элемент соответствующего вида культуры и политики государства, который может претендовать на статус потенциально универсального.

Также акцентировано внимание на научной разработке «социокультурного механизма формирования и трансляции правовой культуры», которую можно использовать для обеспечения реализации именно комплексной формы воспитания; предложено взять его за основу для нормативной правовой регламентации и практического внедрения воспитательной составляющей практически в любое направление государственной политики. При этом предполагается, что, используя алгоритм данного механизма, можно системно внедрять и реализовывать унифицированный воспитательный конструкт, приоритетно и прямо ориентированный на формирование у адресата уважительного отношения к традиционным российским ценностям.

В целом резюмировано, что правовая культура, будучи тесно взаимосвязанной через призму «правового обеспечения» с иными ее видами, может претендовать на статус системообразующей. При условии достаточной структурной и инструментальной разработанности, правовая культура должна выступать как обязательный спутник всех

видов культуры и нормативно отражаться в рамках каждого направления государственной политики.

Обозначена и целесообразность проведения предварительной «ревизии» воспитательного содержания и инструментария уже реализуемых направлений государственной политики с целью выделения в каждом из них наиболее успешных практик, их анализа для перспективной унификации и задействования в системном внедрении и реализации воспитательной составляющей.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest. The author declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики. Автор заявляет о соответствии исследования этическим принципам.

Ethics Approval. The author declare that the study complies with all applicable ethical principles.

Список источников

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025 г.) // СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 28; 2025. № 30 (Часть II). Ст. 4407.

2. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 г. № Пр-1168) // Российская газета. 2011, 14 июля.

3. Указ Президента РФ от 20.10.2012 г. № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» (ред. от 12.06.2024 г.) // СЗ РФ. 2012. № 43. Ст. 5817; 2024. № 25. Ст. 3461.

4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собр. законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

5. Указ Президента РФ от 28.12.2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8669.

6. Адаева О.В. Вопросы нормативного регулирования правового воспитания в России // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 309-310.

7. Балашов О.В. Правовое воспитание в контексте современного образовательного процесса // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 269-277.

8. Беденков В.В. Роль правового воспитания в процессе формирования обыденного правосознания российского общества // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2020. № 17. С. 111-115.

9. Гунибский М.Ш. Инновационные и интерактивные методы в процессе правового воспитания // Юридический мир. 2014. № 4. С. 40-44.

-
10. Демидова И.А. Правовое образование и правовое воспитание: теоретико-юридический аспект // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 112-117.
 11. Доценко А.С. О понятии правового просвещения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 179-188.
 12. Егоров В.Е. К вопросу о задачах гражданско-правового образования в построении правового государства // Юридический мир. 2007. № 4. С. 54-58.
 13. Коданева С.И. Роль экологического правосознания в формировании экологической культуры населения России // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 24-32.
 14. Курилович М.П., Михайлова А.И., Кудряшова Е.Н. Экологическая культура: теоретико-правовые аспекты формирования // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2025. № 2 (71). С. 100-104.
 15. Логинова К.Ю. Правовое воспитание и обучение в школах: традиции и новации // The Newman In Foreign Policy. 2017. № 35 (79). С. 67-72.
 16. Миронова Ю.В. О понятии «правовое просвещение» // Административное право и процесс. 2013. № 2. С. 77-78.
 17. Осипов М.Ю. Роль некоммерческих организаций в формировании правосознания и правовой культуры граждан // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 21-24.
 18. Переверзева О.В., Пчельников М.В. Воспитание экологического сознания в системе высшего образования в условиях бакалавриата и магистратуры // Крымский научный вестник. 2015. № 5. С. 18-25.
 19. Петрова Т.В. Теоретические подходы к формированию правовых ценностей в современной системе образования // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 45-54.
 20. Синцов Г.В. К вопросу об этическом воспитании юристов в современной России // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 37-39.
 21. Туркаева Л.В. Правовое воспитание и обучение несовершеннолетних как морально-правовой аспект развития личности // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 13. С. 59-67.

References

1. Federal Law № 489-FZ dated 12.30.2020 «On Youth Policy in the Russian Federation» (as amended on 07.23.2025) // SZ RF. 2021. № 1 (Part I). Art. 28; 2025. № 30 (Part II). 4407.
 2. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of the development of legal literacy and legal awareness of citizens (approved by the President of the Russian Federation on 28.04.2011 № Pr-1168) // Rossiyskaya Gazeta. 2011, July 14th.
 3. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.20.2012 № 1416 «On improving state policy in the field of patriotic education» (as amended on 06.12.2024) // SZ RF. 2012. № 43. Art. 5817; 2024. № 25. Art. 3461.
 4. Decree of the President of the Russian Federation dated 11.09.2022 № 809 «On approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // SZ RF. 2022. № 46. Art. 7977.
-

-
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 12.28.2024 № 1124 «On approval of the Strategy for Countering Extremism in Russia Of the Russian Federation» // SZ RF. 2024. № 53 (Part I). Art. 8669.
 6. Adaeva O.V. Issues of regulatory regulation of legal education in Russia // Gaps in Russian legislation. 2017. № 3. Pp. 309-310.
 7. Balashov O.B. Legal education in the context of the modern educational process // Actual problems of the state and law. 2022. Т. 6. № 3. Pp. 269-277.
 8. Bedenkov V.V. The role of legal education in the process of forming the ordinary legal consciousness of Russian society // Scientific notes of the Altai Branch of the Russian Academy of National Economy under the President of the Russian Federation. 2020. № 17. Pp. 111-115.
 9. Gunibsky M.S. Innovative and interactive methods in the process of legal education // Legal world. 2014. № 4. Pp. 40-44.
 10. Demidova I.A. Legal education and legal education: theoretical and legal aspect // Society and law. 2021. № 2 (76). Pp. 112-117.
 11. Dotsenko A.S. On the concept of legal education // Actual problems of Russian law. 2020. № 1. Pp. 179-188.
 12. Egorov V.E. On the issue of the tasks of civil law education in building a rule-of-law state // Legal World. 2007. № 4. Pp. 54-58.
 13. Kodaneva S.I. The role of environmental awareness in the formation of the ecological culture of the Russian population // Moscow Law Journal. 2023. № 3. Pp. 24-32.
 14. Kurilovich M.P., Mikhailova A.I., Kudryashova E.N. Ecological culture: theoretical and legal aspects of formation // Bulletin of Polotsk State University. Series D. 2025. № 2 (71). Pp. 100-104.
 15. Loginova K.Y. Legal education and education in schools: traditions and innovations // The Newman In Foreign Policy. 2017. № 35 (79). Pp. 67-72.
 16. Mironova Yu.V. On the concept of «legal education» // Administrative law and process. 2013. № 2. Pp. 77-78.
 17. Osipov M.Y. The role of non-profit organizations in the formation of legal awareness and legal culture of citizens // Civil society in Russia and abroad. 2013. № 1. Pp. 21-24.
 18. Pereverzeva O.V., Pchel'nikov M.V. Education of ecological consciousness in the system of higher education in conditions of bachelor's and master's degrees // Crimean Scientific Bulletin. 2015. № 5. Pp. 18-25.
 19. Petrova T.V. Theoretical approaches to the formation of legal values in the modern education system // Moscow Law Journal. 2023. № 4. Pp. 45-54.
 20. Sintsov G.V. On the ethical education of lawyers in modern Russia // Russian justice. 2012. № 11. Pp. 37-39.
 21. Turkaeva L.V. Legal education and training of minors as a moral and legal aspect of personality development // Actual problems of the state and law. 2020. Vol. 4. № 13. Pp. 59-67.

Сведения об авторах: Билык Кирилл Владимирович, e-mail: 1890686@bsuedu.ru.

Для цитирования: Билык, К.В. (2025) Правовое воспитание как системообразующий элемент государственной политики. *Вопросы государства и права*, № 4(11). с. 36-48, <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-36-48>.

Получена: 22 октября 2025; прошла рецензирование 12 ноября 2025; принта 20 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: ©К.В. Билык (2025) Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Authors: Kirill V. Bilyk, e-mail: 1890686@bsuedu.ru.

For citation: Bilyk K.V. (2025) Legal education as a sistem-forming element of state policy. *Questions of State and Law*, no. 4(11), pp. 36-48. [https://doi.org/ 10.24888/2949-3293-2025-4-11-36-48](https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-36-48).

Received 22 October 2025; reviewed 12 November 2025; accepted 20 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © K.V. Bilyk (2025). Published by Bunin Yelets State University. Open access under CC BY-NC License 4.0.

**ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК МЕХАНИЗМ
РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ**

В.В. Забияк

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
399770 г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, д. 28,1
(Елец, Россия)

А.В. Акопян

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
399770 г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, д. 28,1
(Елец, Россия)

***Резюме.** Статья посвящена исследованию прозрачности судебной власти как ключевого механизма реализации социальной ответственности судебных органов перед обществом. Рассматриваются конституционно-правовые основы принципа открытости правосудия в российской правовой системе, анализируются основные формы и методы обеспечения прозрачности судебной деятельности. Особое внимание уделяется изучению современных технологических решений, включая функционирование ГАС "Правосудие" и механизмов электронной публикации судебных актов. Исследуются проблемы балансирования принципов независимости судей и открытости правосудия, анализируется роль общественного контроля в повышении качества судебной деятельности. Автор обосновывает необходимость комплексного подхода к развитию прозрачности судебной власти, включающего совершенствование правового регулирования, внедрение инновационных информационных технологий и повышение правовой культуры общества. Предлагаются конкретные направления модернизации механизмов обеспечения открытости правосудия в контексте укрепления доверия граждан к судебной системе.*

***Ключевые слова:** прозрачность судебной власти, социальная ответственность, открытость правосудия, общественный контроль, ГАС "Правосудие", независимость судей, правовая культура*

DOI 10.24888/2949-3293-2025-4-11-49-59

**TRANSPARENCY OF JUDICIAL POWER AS A MECHANISM FOR
IMPLEMENTING SOCIAL RESPONSIBILITY TO SOCIETY**

Valeria V. Zabiyak

Bunin Yelets State University
399770, Lipetsk region, Yelets, Kommunarov Street, 28,1
(Yelets, Russia)

Arsen V. Akopyan

Yelets State University named after I.A. Bunin
399770, Lipetsk region, Yelets, Kommunarov Street, 28,1
(Yelets, Russia)

***Abstract.** The article examines the transparency of judicial power as a key mechanism for implementing the social responsibility of judicial bodies to society. The constitutional and*

legal foundations of the principle of openness of justice in the Russian legal system are considered, and the main forms and methods of ensuring transparency of judicial activities are analyzed. Special attention is paid to the study of modern technological solutions, including the functioning of the State Automated System "Justice" and mechanisms for electronic publication of judicial acts. The problems of balancing the principles of judicial independence and openness of justice are investigated, and the role of public control in improving the quality of judicial activity is analyzed. The author substantiates the need for a comprehensive approach to developing the transparency of judicial power, including improving legal regulation, introducing innovative information technologies, and enhancing the legal culture of society. Specific directions for modernizing mechanisms for ensuring openness of justice in the context of strengthening citizens' trust in the judicial system are proposed.

Keywords: *transparency of judicial power, social responsibility, openness of justice, public control, State Automated System "Justice", judicial independence, legal culture*

Транспарентность судебной власти представляет собой одну из фундаментальных основ современного демократического правового порядка, выступая важнейшим механизмом реализации социальной ответственности судебных органов перед обществом. В условиях правового государства открытость и прозрачность деятельности судебной власти становятся не просто декларативными принципами, а практическими инструментами обеспечения справедливого правосудия и поддержания общественного доверия к судебной системе. Данная проблематика приобретает особую актуальность в современной России, где процессы демократизации и модернизации судебной системы требуют переосмысления традиционных подходов к взаимодействию суда и общества.

Конституционные основы транспарентности правосудия в Российской Федерации заложены в статье 123 Основного закона, которая устанавливает принцип открытости судебных разбирательств как общее правило для всех видов судопроизводства. Этот конституционный принцип получает развитие в отраслевом процессуальном законодательстве, где детализируются механизмы его реализации в различных формах судопроизводства. Гражданский процессуальный кодекс в статье 10, Арбитражный процессуальный кодекс в статье 11, Уголовно-процессуальный кодекс в статье 241 и Кодекс об административных правонарушениях в статье 24.3 содержат нормы, обеспечивающие гласность судебного разбирательства и доступность информации о деятельности судов для всех заинтересованных лиц [1].

Принцип транспарентности судебной власти не является статичной конструкцией, а представляет собой динамично развивающуюся систему правовых и организационных механизмов, направленных на обеспечение открытости судебной деятельности на всех этапах судебного процесса. Исторически этот принцип возник в процессе становления буржуазно-демократических институтов и получил свое первое законодательное закрепление в России в ходе судебной реформы 1864 года, когда были введены основополагающие начала состязательности, независимости и гласности судопроизводства. Современное понимание транспарентности судебной власти значительно расширяет традиционные рамки принципа гласности, включая в себя не только открытость судебных заседаний, но и доступность информации о структуре и функционировании судебной системы в целом.

Теоретические основы концепции прозрачности судебной власти базируются на признании судебной власти как публично-правового института, деятельность которого должна быть подконтрольна обществу в той мере, в какой это не противоречит принципу независимости судей. Социальная ответственность судебной власти проявляется через механизмы обеспечения справедливого, беспристрастного и эффективного правосудия, что требует создания условий для общественного контроля за соблюдением процессуальных гарантий и качеством принимаемых судебных решений [2]. В этом контексте прозрачность выступает не только как средство информирования общества о деятельности судов, но и как инструмент предупреждения коррупционных проявлений и произвола в судебной сфере.

Практическая реализация принципа прозрачности судебной власти в современной России осуществляется через систему взаимосвязанных механизмов, каждый из которых направлен на обеспечение различных аспектов открытости судебной деятельности. Основным и наиболее традиционным механизмом является обеспечение открытости судебных заседаний, что означает возможность свободного присутствия граждан, представителей средств массовой информации и общественных организаций в залах судебных заседаний при рассмотрении дел. Данный механизм позволяет обществу осуществлять непосредственный контроль за соблюдением процессуальных норм, обеспечением равенства сторон в процессе и объективностью судебного разбирательства.

Важнейшим современным инструментом обеспечения прозрачности судебной власти является система публикации судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации" установил правовые основы для размещения текстов судебных решений на официальных сайтах судов, создав тем самым предпосылки для формирования единого информационного пространства правосудия [3]. Государственная автоматизированная система "Правосудие" стала технологической платформой, обеспечивающей не только внутренние потребности судебного документооборота, но и предоставление широкого доступа к информации о судебных процессах для всех заинтересованных лиц.

Анализ практики функционирования ГАС "Правосудие" свидетельствует о значительном прогрессе в обеспечении доступности судебной информации для общества. К настоящему времени в системе размещены сотни тысяч судебных актов, что создает беспрецедентные возможности для изучения судебной практики, мониторинга качества правосудия и проведения научных исследований в области права. Однако практическая реализация данного механизма прозрачности сталкивается с рядом проблем, связанных с необходимостью обеспечения баланса между открытостью правосудия и защитой персональных данных участников процесса, коммерческой тайны и иных охраняемых законом интересов [4].

Особое значение в системе механизмов прозрачности судебной власти имеет институт информирования общества о деятельности судов через средства массовой информации. Взаимодействие судебной системы с журналистами и общественными организациями создает дополнительные каналы распространения информации о принципах организации правосудия, процедурах рассмотрения дел и результатах судебной деятельности. Вместе с тем практика показывает наличие определенных трудностей в

обеспечении объективного и профессионального освещения судебной деятельности в СМИ, что требует совершенствования механизмов взаимодействия между судебной системой и представителями медиасообщества.

Цифровизация правосудия открывает новые возможности для расширения прозрачности судебной власти, создавая инновационные инструменты информационного взаимодействия между судами и обществом [5]. Внедрение технологий видеоконференц-связи, онлайн-трансляций судебных заседаний, электронного документооборота и цифровых сервисов подачи процессуальных документов значительно повышает доступность правосудия и создает дополнительные возможности для общественного контроля за судебной деятельностью. Развитие мобильных приложений и интернет-платформ для получения информации о ходе рассмотрения судебных дел делает правосудие более понятным и доступным для граждан.

Механизмы общественного контроля за деятельностью судебной власти представляют собой важнейший элемент системы обеспечения прозрачности, поскольку создают правовые и организационные рамки для участия гражданского общества в мониторинге качества правосудия. Федеральный закон "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" устанавливает общие принципы и формы такого контроля, которые могут быть применены и к судебной сфере с учетом специфики судебной власти и требований независимости судей. Общественный контроль может осуществляться через присутствие представителей общественности в судебных заседаниях, мониторинг соблюдения процессуальных прав участников процесса, анализ судебной статистики и качества судебных решений.

Проблематика ограничений прозрачности судебной власти связана с необходимостью соблюдения баланса между принципами открытости правосудия и защиты охраняемых законом интересов [6]. Закрытые судебные заседания проводятся в случаях, предусмотренных федеральным законодательством, когда открытое рассмотрение дела может привести к разглашению государственной тайны, нарушению неприкосновенности частной жизни, причинению вреда интересам несовершеннолетних или компрометации участников процесса. Правовое регулирование таких ограничений требует четкого определения оснований и процедур принятия решений о закрытом рассмотрении дел, а также обеспечения минимально необходимого характера таких ограничений.

Анализ судебной практики по вопросам обеспечения прозрачности правосудия показывает, что российские суды в целом следуют принципу презумпции открытости судебных заседаний, однако существуют определенные проблемы в единообразном применении критериев ограничения гласности. Решения Европейского суда по правам человека по делам против России неоднократно указывали на необходимость более строгого соблюдения стандартов открытости правосудия и обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Это актуализирует вопросы совершенствования национального законодательства и судебной практики в направлении расширения гарантий прозрачности судебной деятельности.

Современные вызовы для обеспечения прозрачности судебной власти связаны с необходимостью адаптации традиционных механизмов открытости к условиям цифровой трансформации общества и правовой системы. Развитие информационных технологий создает новые возможности для повышения доступности правосудия, но одновременно порождает риски нарушения конфиденциальности персональных дан-

ных, манипулирования общественным мнением и киберугроз безопасности судебной системы. Обеспечение кибербезопасности судебных информационных систем становится неотъемлемой частью стратегии развития транспарентности судебной власти.

Международный опыт обеспечения транспарентности судебной власти демонстрирует разнообразие подходов к решению данной проблемы в различных правовых системах. Страны общего права традиционно отличаются более широким доступом общественности к судебным процедурам и документам, в то время как континентальные правовые системы делают больший акцент на профессиональной независимости судейского корпуса. Европейские стандарты транспарентности правосудия, закрепленные в документах Совета Европы, предполагают комплексный подход к обеспечению открытости судебной деятельности, включающий как процессуальные гарантии, так и институциональные механизмы подотчетности судебной власти обществу.

Перспективы развития транспарентности судебной власти в России связаны с дальнейшим совершенствованием правового регулирования доступа к судебной информации, расширением возможностей электронного взаимодействия граждан с судебной системой и повышением качества судебных услуг. Как справедливо отмечает Е.В. Бурдина «независимость и самостоятельность судебной власти в современных условиях может быть достигнута только в рамках судебной системы, которая имеет достаточные ресурсы, организована как доступная цифровая функция для граждан и организаций и действует эффективно и прозрачно» [7, с. 255]. Внедрение искусственного интеллекта и автоматизированных систем поддержки принятия судебных решений может способствовать повышению предсказуемости и обоснованности правосудия, что усилит общественное доверие к судебной власти. Однако использование таких технологий требует обеспечения прозрачности алгоритмов принятия решений и возможности их общественной экспертизы.

Важным направлением развития транспарентности судебной власти является совершенствование механизмов обратной связи между судебной системой и обществом. Создание эффективных каналов получения и обработки общественного мнения о качестве правосудия, организация регулярных социологических исследований уровня доверия граждан к судебной власти и внедрение системы оценки удовлетворенности участников процесса качеством судебных услуг могут существенно повысить социальную ответственность судебной власти. Такие механизмы должны обеспечивать не только сбор информации об общественных ожиданиях, но и принятие конкретных мер по устранению выявленных недостатков в работе судебной системы [8].

Роль юридического образования и правового просвещения в обеспечении транспарентности судебной власти не может быть недооценена. Повышение правовой грамотности населения способствует более эффективному использованию механизмов судебной защиты и осознанному участию граждан в общественном контроле за деятельностью судебной власти. Образовательные программы для судей, работников аппарата судов и представителей СМИ должны включать изучение современных стандартов транспарентности правосудия и практических навыков обеспечения открытости судебной деятельности.

Анализ современного состояния транспарентности судебной власти в России позволяет констатировать значительный прогресс в создании правовых и технологических основ открытости правосудия, однако практическая реализация этих механизмов

требует дальнейшего совершенствования. Основными проблемными зонами остаются недостаточная унификация подходов к обеспечению доступности судебной информации на различных уровнях судебной системы, ограниченные возможности участия общественности в оценке качества правосудия и отсутствие системных механизмов учета общественного мнения при формировании судебной политики.

Социальная ответственность судебной власти перед обществом находит свое конкретное выражение через механизмы транспарентности, которые обеспечивают возможность общественного контроля за соблюдением принципов справедливости, законности и беспристрастности в деятельности судебных органов. Эффективность этих механизмов во многом определяется готовностью самой судебной системы к открытому диалогу с обществом, способностью воспринимать конструктивную критику и принимать меры по устранению выявленных недостатков. В этом контексте транспарентность судебной власти выступает не просто как формальное соблюдение требований законодательства об открытости, а как активная позиция судебных органов, направленная на укрепление доверия общества к правосудию и повышение эффективности судебной защиты прав граждан.

Балансирование принципов независимости судей и транспарентности судебной власти представляет собой одну из наиболее сложных задач современного конституционного права. «Принципы независимости и транспарентности судебной власти очень тесно взаимодействуют между собой, а значит, необходимо четко определить те грани, в которых они соприкасаются, обозначить пределы действия каждого из них» [9, с. 63]. С одной стороны, независимость судей является фундаментальной гарантией справедливого правосудия, исключающей возможность внешнего давления на процесс принятия судебных решений. С другой стороны, демократические принципы организации государственной власти требуют обеспечения подотчетности всех публичных институтов обществу, включая судебную власть. Поиск оптимального соотношения между этими принципами требует тщательного анализа различных аспектов судебной деятельности и выработки дифференцированного подхода к обеспечению транспарентности.

Современные исследования в области судебной администрации показывают, что транспарентность судебной власти не только не противоречит принципу независимости судей, но и может способствовать его укреплению. Открытость судебных процессов создает дополнительные гарантии против коррупционных проявлений и произвола, обеспечивает контроль за соблюдением процессуальных норм и способствует формированию единообразной судебной практики. Вместе с тем чрезмерная публичность может создавать предпосылки для популистского давления на судей, что требует установления четких границ и правил обеспечения открытости судебной деятельности.

Региональная дифференциация в реализации принципов транспарентности судебной власти остается значительной проблемой российской правовой системы. Несмотря на единые федеральные стандарты обеспечения доступа к судебной информации, практическая реализация этих требований существенно различается в различных субъектах Российской Федерации. В крупных административных центрах обычно обеспечивается более высокий уровень информационной открытости судебных органов, функционируют развитые системы взаимодействия со СМИ и общественными ор-

ганизациями, активно используются современные информационные технологии для предоставления доступа к судебной информации.

Специфические особенности обеспечения транспарентности в различных видах судопроизводства требуют дифференцированного правового регулирования, учитывающего особенности предмета и характера рассматриваемых споров. В уголовном судопроизводстве принцип открытости должен сочетаться с требованиями защиты прав потерпевших, свидетелей и обвиняемых, обеспечения презумпции невиновности и недопущения предания гласности обстоятельств, способных причинить вред участникам процесса. В гражданском и арбитражном судопроизводстве вопросы транспарентности часто связаны с необходимостью защиты коммерческой тайны, персональных данных и конфиденциальной информации.

Роль средств массовой информации в обеспечении транспарентности судебной власти требует особого внимания как с точки зрения правового регулирования, так и с позиций профессиональной этики журналистов. Качественное и объективное освещение судебной деятельности в СМИ способствует повышению правовой культуры общества, формированию адекватных представлений о принципах и процедурах правосудия, укреплению доверия к судебной системе. Однако практика показывает наличие серьезных проблем в данной сфере, связанных с недостаточной правовой подготовкой журналистов, стремлением к сенсационности в ущерб объективности, нарушением презумпции невиновности и иных принципов справедливого правосудия. Как отмечает Л.А. Алексанян «свобода СМИ и деятельность, осуществляемая в качестве общественного контроля, не могут быть абсолютными. В определенных случаях, когда в противовес свободе слова и свободе СМИ на другую чашу весов ставятся более высокие ценности: необходимость поддержания авторитета и независимости судебной власти, уважения и доверия общества, а также повышение уровня легитимности судебной власти, возникает необходимость правомерного ограничения этих свобод» [10, с. 204].

Международно-правовые стандарты транспарентности судебной власти, закрепленные в документах Организации Объединенных Наций, Совета Европы и других международных организаций, устанавливают минимальные требования к обеспечению открытости правосудия и служат важным ориентиром для развития национального законодательства. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в статье 6 гарантирует право на публичное рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом, что интерпретируется Европейским судом по правам человека как комплексное требование к обеспечению различных аспектов открытости правосудия.

Технологические инновации в сфере правосудия открывают новые возможности для расширения транспарентности судебной власти, но одновременно создают новые риски и вызовы. Использование систем искусственного интеллекта для поддержки принятия судебных решений, автоматизация процедур судебного документооборота, внедрение блокчейн-технологий для обеспечения неизменности судебных актов – все эти инновации требуют пересмотра традиционных подходов к обеспечению прозрачности судебной деятельности. Особое значение приобретает обеспечение понятности и доступности для общества новых технологических решений, используемых в судебной системе.

Образовательный аспект транспарентности судебной власти связан с необходимостью повышения правовой грамотности населения и формирования адекватных

представлений о роли и функциях судебной власти в правовом государстве. Программы правового просвещения должны включать изучение принципов организации судебной системы, процедур судопроизводства, прав и обязанностей участников процесса, механизмов обжалования судебных решений. Особое внимание должно уделяться разъяснению ограничений принципа открытости правосудия и обоснованности таких ограничений.

Качество правосудия как критерий оценки эффективности механизмов транспарентности судебной власти предполагает комплексный анализ различных показателей судебной деятельности. Сокращение сроков рассмотрения дел, снижение количества отмененных и измененных судебных решений, повышение уровня исполнения судебных актов, рост доверия граждан к судебной системе – все эти индикаторы могут использоваться для оценки влияния мер по обеспечению открытости правосудия на общую эффективность судебной системы.

Взаимодействие судебной власти с институтами гражданского общества в контексте обеспечения транспарентности требует выработки новых форм и методов такого взаимодействия, учитывающих специфику судебной деятельности и требования профессиональной этики судей. Общественные советы при судах, программы общественного мониторинга судебных процессов, системы обратной связи с участниками судопроизводства – все эти механизмы должны обеспечивать реальную возможность участия общества в контроле за качеством правосудия, не нарушая при этом принципа независимости судебной власти.

Финансирование судебной системы и его влияние на транспарентность судебной власти представляет собой важный аспект, требующий специального рассмотрения. Обеспечение достаточного финансирования судебных органов является предпосылкой для внедрения современных информационных технологий, создания комфортных условий для участников процесса, организации эффективной работы пресс-служб и систем информирования общественности. Прозрачность бюджетного процесса в части расходов на содержание судебной системы способствует повышению доверия общества к судебной власти и обеспечивает возможность общественного контроля за эффективностью использования бюджетных средств.

Профессиональная подготовка кадров судебной системы должна включать изучение современных стандартов транспарентности и методов их практической реализации. Программы повышения квалификации судей, работников аппарата судов, сотрудников пресс-служб должны регулярно обновляться с учетом развития информационных технологий, изменений в правовом регулировании доступа к судебной информации, появления новых форм взаимодействия с общественностью и средствами массовой информации.

В заключение следует отметить, что транспарентность судебной власти как механизм реализации социальной ответственности перед обществом представляет собой сложную и многоаспектную проблему, требующую комплексного подхода к ее решению. Современное состояние правового регулирования и практики обеспечения открытости правосудия в Российской Федерации свидетельствует о значительном прогрессе в данной сфере, однако остается ряд проблем, требующих дальнейшей работы по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Эффективная реализация принципов транспарентности судебной власти требует не только соответству-

ющего правового регулирования, но и изменения правовой культуры как самих судебных работников, так и общества в целом. Только при условии формирования зрелого гражданского общества, способного конструктивно участвовать в общественном контроле за деятельностью судебной власти, возможно достижение оптимального баланса между требованиями открытости правосудия и обеспечением независимости судей. Перспективы развития транспарентности судебной власти в России связаны с дальнейшим совершенствованием информационных технологий, расширением возможностей электронного взаимодействия граждан с судебной системой, повышением качества правового образования и просвещения, а также укреплением международного сотрудничества в области обмена лучшими практиками обеспечения открытости правосудия.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest. The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики. Авторы заявляют о соответствии исследования этическим принципам.

Ethics Approval. The authors declare that the study complies with all applicable ethical principles.

Список источников

1. Потапенко С.В. Информационная открытость судов как правовая гарантия общественного контроля за функционированием судебной власти // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). – 2024. – Т. 49, № 2. – С. 24–29.

2. Баннов А.В. Вопросы прозрачности судебной системы в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2025. – № 2 (553). – С. 154–157.

3. Вепренцева Ю.А. Доступ к информации о деятельности судов в условиях цифровизации // Молодой ученый. – 2024. – № 48 (547). – С. 315–316. — URL: <https://moluch.ru/archive/547/119760> (дата обращения: 10.10.2025).

4. Фомин А.А. Цифровая трансформация судебной деятельности в современной России // Администратор суда – 2024. – № 3. — URL: <https://lawinfo.ru/articles/7175/cifrovaya-transformaciya-sudebnoi-deyatelnosti-v-sovremennoi-rossii> (дата обращения: 10.10.2025).

5. Романовская О.В., Романовская Е.А. Правовой режим цифровой юстиции: проблемы и перспективы // Наука. Общество. Государство. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 21–31.

6. Петришин А.П. Влияние цифровизации на реализацию принципа гласности правосудия // Правосудие и судебная практика. – 2021. – № 10. – С. 209–213.

7. Бурдина Е.В., Цифровизация судов и справедливость судебного разбирательства: в поисках баланса // Технологии XXI века в юриспруденции. Материалы Третьей международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2021. С. 253–260. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46518360_20315835.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

8. Данильченко В.Г. Тенденции развития и дальнейшее совершенствование цифровых технологий в правосудии // Научный лидер. – 2024. – № 19 (169). — URL: <https://scilead.ru/article/6388-tendentsii-razvitiya-i-dalnejsee-sovershenst> (дата обращения: 10.10.2025).

9. Давыдова М. Л., Усенков И. А. Взаимодействие принципов транспарентности судебной власти и независимости судей при их практическом применении в РФ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. - 2017. - № 03. - С. 63-67. — URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/39c3d50f-49ff-46d4-9433-267f0070b37e> (дата обращения: 10.10.2025).

10. Алексанян Л.А. Роль средств массовой информации в формировании общественного мнения относительно судебной власти // Шестнадцатая годовичная научная конференция. Сборник научных статей конференции, приуроченной к 25-летию основания РАУ. Ереван, 2023. С. 198-206 – С. 198–206. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sredstv-massovoy-informatsii-v-formirovanii-obschestvennogo-mneniya-otnositelno-sudebnoy-vlasti> (дата обращения: 10.10.2025).

References

1. Potapenko S.V. Informational Openness of Courts as a Legal Guarantee of Public Control over the Functioning of the Judicial Power // Works on Intellectual Property (Works on Intellectual Property). – 2024. – Vol. 49, No. 2. – Pp. 24–29.

2. Bannov A.V. Issues of Transparency of the Judicial System in the Russian Federation // Young Scientist. – 2025. – No. 2 (553). – Pp. 154–157.

3. Veprentseva Yu.A. Access to information about the activities of courts in the conditions of digitalization // Young scientist. – 2024. – No. 48 (547). – Pp. 315-316. — URL: <https://moluch.ru/archive/547/119760> (date of access: 10.10.2025).

4. Fomin A.A. Digital transformation of judicial activity in modern Russia // Court Administrator – 2024. – No. 3. – URL: <https://lawinfo.ru/articles/7175/cifrovaya-transformaciya-sudebnoi-deyatelnosti-v-sovremennoi-rossii> (date of access: 10.10.2025).

5. Romanovskaya O.V., Romanovskaya E.A. Legal regime of digital justice: problems and prospects // Science. Society. State. – 2024. – Vol. 12, No. 1. – Pp. 21–31.

6. Petrishin A.P. The impact of digitalization on the implementation of the principle of publicity of justice // Justice and judicial practice. – 2021. – No. 10. – Pp. 209–213.

7. Burdina E.V., Digitalization of Courts and Fairness of Legal Proceedings: In Search of a Balance // Technologies of the 21st Century in Jurisprudence. Materials of the Third International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg, 2021. Pp. 253–260. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46518360_20315835.pdf (accessed: 10.10.2025).

8. Danilchenko V.G. Trends in the Development and Further Improvement of Digital Technologies in Justice // Scientific Leader. – 2024. – No. 19 (169). — URL: <https://scilead.ru/article/6388-tendentsii-razvitiya-i-dalnejsee-sovershenst> (accessed: 10.10.2025).

9. Davydova M. L., Usenkov I. A. Interaction of the Principles of Transparency of the Judicial Power and Independence of Judges in Their Practical Application in the Russian Federation // Modern Science: Current Issues of Theory and Practice. Series: Economics and

Law. - 2017. - No. 03. - Pp. 63-67. - URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/39c3d50f-49ff-46d4-9433-267f0070b37e> (accessed: 10.10.2025).

10. Aleksanyan L.A. The Role of the Mass Media in Shaping Public Opinion Regarding the Judiciary // The Sixteenth Annual Scientific Conference. Collection of Scientific Articles of the Conference Dedicated to the 25th Anniversary of the Founding of the Russian Academy of Sciences. Yerevan, 2023. Pp. 198-206 – Pp. 198–206. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sredstv-massovoy-informatsii-v-formirovanii-obschestvennogo-mneniya-otnositelno-sudebnoy-vlasti> (accessed: 10.10.2025).

Сведения об авторах: Забияк Валерия Владимировна, e-mail: vika.zabiyak@mail.ru; Акопян Арсен Вазгенович, SPIN-код: 1448-3473, AuthorID: 623052, ORCID 0000-0001-7005-2138, e-mail: mex_arsen@rambler.ru.

Для цитирования: Забияк В.В., Акопян, А.В. (2025) Транспарентность судебной власти как механизм реализации социальной ответственности перед обществом. *Вопросы государства и права*, № 4(11). с. 49-59, [https://doi.org/ 10.24888/2949-3293-2025-4-11-49-59](https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-49-59).

Получена: 10 ноября 2025; прошла рецензирование 12 ноября 2025; принта 20 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В.В. Забияк, А.В. Акопян (2025) Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Authors: Valeria V. Zabiyak, e-mail: vika.zabiyak@mail.ru; Arsen V. Akopyan, SPIN-код: 1448-3473, AuthorID: 623052, ORCID 0000-0001-7005-2138, e-mail: mex_arsen@rambler.ru.

For citation: Zabiyak V.V., Akopyan, A.V. (2025) Transparency of judicial power as a mechanism for implementing social responsibility to society. *Questions of State and Law*, no. 4(11), pp. 49-59. [https://doi.org/ 10.24888/2949-3293-2025-4-11-49-59](https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-49-59).

Received 10 November 2025; reviewed 12 November 2025; accepted 20 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V.V. Zabiyak, A.V. Akopyan (2025). Published by Bunin Yelets State University. Open access under CC BY-NC License 4.0.

МЕТОДЫ И СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М.Н. Каверина

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
399770, г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, д. 28,1
(Елец, Россия)

В.В. Мирончуковская

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
399770, г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, д. 28,1
(Елец, Россия)

***Резюме.** В данной статье исследуется специфика законодательного регулирования методов и средств обеспечения транспортной безопасности.*

В ходе проведения анализа действующего законодательства выявлено отсутствие единого нормативного правового акта, закрепляющего в себе систему методов и средств обеспечения транспортной безопасности. Также выявлено, что отдельные средства и методы обеспечения транспортной безопасности нашли свое законодательное закрепление в различных нормативных правовых актах, как правило, регулирующих деятельность органов, перед которыми ставятся задачи по обеспечению транспортной безопасности. Формируется вывод о том, что отсутствие законодательного закрепления единой системы методов и средств обеспечения транспортной безопасности является существенным пробелом законодательства. Предложена авторская классификация основных методов и средств обеспечения транспортной безопасности в Российской Федерации.

***Ключевые слова:** безопасность, методы, обеспечение, средства, транспорт
DOI 10.24888/2949-3293-2025-4-11-60-66*

METHODS AND MEANS OF ENSURING TRANSPORT SECURITY

Maria N. Kaverina

Bunin Yelets State University
399770 Yelets, Kommunarov str., 28.1
(Yelets, Russia)

Viktoriya V. Mironchukovskaya

Bunin Yelets State University
399770 Yelets, Kommunarov str., 28.1
(Yelets, Russia)

***Abstract.** This article examines the specifics of legislative regulation of methods and means of ensuring transport safety.*

During the analysis of the current legislation, it was revealed that there is no single regulatory legal act that establishes a system of methods and means of ensuring transport safety. It has also been revealed that certain means and methods of ensuring transport security have found their legislative consolidation in various regulatory legal acts, as a rule, regulating the activities of bodies tasked with ensuring transport security. The conclusion is formed that the lack of legislative consolidation of a unified system of methods and means of ensuring transport safety is a significant legislative gap. The author's classification of the main methods and means of ensuring transport security in the Russian Federation is proposed.

Keywords: *security, methods, provision, means, transport*

Надежная и устойчивая транспортная система представляет собой фундаментальный элемент, обеспечивающий интеграцию экономического пространства России, укрепление ее территориальной целостности и национальной безопасности. Она способствует свободному потоку товаров и услуг, поддерживает конкурентоспособность и предоставляет возможности для экономической деятельности. Кроме того, качественное развитие транспорта влияет на повышение качества жизни населения. Поэтому ключевой целью Транспортной стратегии Российской Федерации является повышение уровня комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы страны [1]. Для достижения этих целей необходимо не только увеличение инвестиций и внедрение передовых технических средств, но также развитие инновационных подходов к управлению и технологиям.

Определение транспортной безопасности содержится в положениях Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», согласно которому транспортная безопасность определяется как «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства» [2].

В законодательной практике России концепция механизма обеспечения транспортной безопасности регулярно встречается, однако ее конкретика и подробное устройство остаются недостаточно проработанными в рамках нормативных документов. Законодательные акты, касающиеся транспортной безопасности, зачастую ограничиваются общими положениями, не вдаваясь в уточнение каждого аспекта системы обеспечения безопасности, что важно для полноценного понимания и практического применения этих механизмов.

Обеспечение транспортной безопасности также регулируется ведомственными нормативными правовыми актами. К их числу относятся акты федеральной службы безопасности, Войск национальной гвардии, таможенных органов, министерства транспорта и др. Все принимаемые акты не должны противоречить федеральному законодательству.

Например, в Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» законодатель обозначил понятие «обеспечение транспортной безопасности» в виде «реализации определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства» [2]. Между тем, множество разрозненных методов и средств обеспечения транспортной безопасности

можно встретить в различных нормативных правовых актах, в частности, регулирующих деятельность соответствующих органов, в чьи задачи и обязанности входит обеспечение безопасности на транспорте.

Согласно требованиям Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года [1], развитие транспортной системы России должно быть нацелено на обеспечение максимальной безопасности, полный и опережающий учет международных требований в области безопасности перевозок с использованием формализованных критериев и оценок.

Однако, несмотря на очевидное позитивное регулирование многих вопросов безопасности на морском транспорте в ряде законодательных актов, некоторые исследователи обращают внимание на отсутствие инструментов анализа безопасности транспортных систем и четких методик их моделирования.

Приоритетным в задачах поддержания транспортной безопасности является точное распознавание и постоянный анализ угроз, которые могут привести к незаконным актам, направленным против объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. Для оценки риска и адекватного реагирования эти угрозы классифицируются на несколько уровней: потенциальные, означающие возможность возникновения опасности, непосредственные, указывающие на близость к реализации угрозы, и прямые, что обозначает очевидную и непосредственную опасность [3]. Различение угроз по этим категориям позволяет эффективнее распределять ресурсы по предотвращению незаконного вмешательства и повышает эффективность защитных механизмов транспортной системы. При этом, применяется специальная методика определения угроз.

Ключевым аспектом в защите транспортной инфраструктуры и средств передвижения является выявление и тщательное определение тех компонентов, без которых может нарушиться работа системы или возможно возникновение нештатных ситуаций [4].

Комплекс методов, подходов и инструментария, применяемых для поддержания безопасности в транспортной сфере, систематизируется в две обширные категории: правовые и неправовые механизмы [5]. Правовые механизмы включают в себя нормативные и правовые акты и методы, регулирующие эту область. Это охватывает все законодательные и юридические инструменты, направленные на стандартизацию и законное регулирование обеспечения безопасности на транспорте.

В отличие от этого, к неправовым механизмам относятся организационные, материально-технические, информационные и контрольные подходы. Такие методы фокусируются на практических аспектах, включая управление ресурсами, разработку и внедрение технологий, а также обмен данными и мониторинг для предотвращения и реагирования на угрозы [6].

Обеспечение транспортной безопасности – это комплекс мероприятий и средств, направленных на предотвращение опасных ситуаций, связанных с перевозкой пассажиров и грузов. К таким средствам относятся:

1. Технические средства: системы видеонаблюдения и контроля, датчики и системы обнаружения взрывчатых веществ, наркотиков, радиационных материалов, системы сканирования и контроля багажа, устройства для контроля доступа (турникеты, шлагбаумы, биометрические системы), системы управления и мониторинга транспорт-

ных средств (GPS-трекеры, системы ГЛОНАСС, AIS для судов), системы аварийной сигнализации и вызова помощи

2. Организационные меры: обучение и подготовка персонала, разработка и реализация планов действий на случай чрезвычайных ситуаций, регламентация процедур досмотра пассажиров и грузов, процедуры проверки и контроля документов.

3. Физические средства: барьеры и ограждения для защиты инфраструктуры, противотаранные устройства, укрепленные зоны для защиты от террористических атак или других видов нападений.

4. Технологические решения: применение развитых информационных систем для сбора, обработки и анализа данных по обеспечению безопасности, использование современных технологий шифрования данных и кибербезопасности для защиты коммуникаций и управления.

К средствам обеспечения транспортной безопасности также следует отнести и различные экстренные службы.

Эти средства в совокупности помогают предотвращать и минимизировать риски, связанные с транспортом, обеспечивая защиту от угроз, таких как терроризм, преступность, техногенные катастрофы, пиратство и другие чрезвычайные происшествия.

Однако в научной литературе отмечается несовершенство методов и средств обеспечения транспортной безопасности, а также их отставание от современных экономических, общественных и политических условий. Так, например, М.А. Бажина отмечает, что «анализ нормативных правовых актов, в которых так или иначе закрепляются положения о транспортной безопасности, не учитывает такой важный аспект, как информационная безопасность. Именно с развитием применения цифровых технологий вопросы информационной безопасности становятся приоритетными и выходят на первый план при осуществлении транспортной деятельности. В качестве примера можно привести каршеринг, применение которого связано с получением доступа к персональным данным физического лица, их обработкой и дальнейшим хранением»[6]. И с этим мнением представляется целесообразным согласиться, поскольку транспортная безопасность не существует изолированно, она соприкасается и взаимодействует с другими угрозами и рисками.

Ю.П. Оноколов полагает, что пришло время перехода на цифровизацию всего транспортного комплекса нашей страны: «Цифровизация всего транспортного комплекса Российской Федерации должна обеспечить эффективную передачу информации между всеми компонентами системы взаимодействия транспортных подсистем в единой цифровизированной транспортной системе. Цифровизация транспортного комплекса Российской Федерации представляет собой довольно сложный процесс, а от слаженной работы транспортных организаций зависит эффективное функционирование всех остальных отраслей экономики и жизнедеятельность государства и общества в целом. Цифровизация транспортного комплекса Российской Федерации, как и ее правовое регулирование, является необходимыми условиями достижения качественно нового уровня развития транспортной составляющей нашей страны»[7]. С данным мнением можно согласиться, однако следует отметить и тот факт, что переход на цифровизацию потребует значительных временных и финансовых вложений, и в настоящее время, в том числе в условиях сложившейся политической обстановки, указанная задача никак

не может быть отнесена к первостепенным, но в будущем вполне возможно ее воплощение.

В настоящее же время действует особая методика. Она разработана для идентификации этих критических элементов транспортной инфраструктуры и транспортных средств (ОТИ/ТС), направлена на распознавание тех частей системы, которые могут быть целью актов незаконного вмешательства (АНВ). Цель такой методики состоит в том, чтобы предотвратить возможность как полного, так и частичного прерывания нормальной работы и предупредить риск возникновения экстремальных ситуаций [7].

Таким образом, несмотря на отсутствие законодательного закрепления единого перечня методов и средств обеспечения транспортной безопасности, представляется возможным их изложение в виде следующей классификации:

1. Правовые методы: к ним относятся законы и подзаконные акты, регулирующие транспортную отрасль.

2. Нормативные правовые акты, направленные на обеспечение безопасности конкретных видов транспорта. Стандарты и инструкции, устанавливающие требования к организации транспортной безопасности.

3. Организационные меры, к которым относится планирование и реализация мер по обеспечению безопасности на объектах транспортной инфраструктуры, соблюдение правил допуска на территорию объектов транспортной инфраструктуры и пр.

4. Материально-технические средства, к которым относится специальное оборудование для контроля и управления доступом, средства видеонаблюдения и пр.

5. Информационно-аналитические методы, к которым можно отнести системы сбора и анализа данных по безопасности транспорта, системы слежения и пр.

6. Контрольные механизмы, к которым относятся проверки соблюдения требований безопасности, аудиты и оценка рисков безопасности на объектах транспортной инфраструктуры.

7. Системы оперативного реагирования на инциденты и ЧС.

8. Различные технические средства обеспечения безопасности, к которым можно отнести системы автоматического торможения, противотаранные устройства, барьеры и пр.

Таким образом, в Российской Федерации действует комплексная система обеспечения транспортной безопасности, включая в себя разнообразные методы и средства, направленные на защиту транспортной инфраструктуры, транспортных средств и пассажиров от угроз, связанных с противоправными посягательствами и террористическими актами, однако отсутствие ее законодательного закрепления является существенным пробелом законодательства.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest. The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики. Авторы заявляют о соответствии исследования этическим принципам.

Ethics Approval. The authors declare that the study complies with all applicable ethical principles.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р (ред. от 06.11.2024) «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. - 13.12.2021. - № 50 (часть IV). - Ст. 8613.
2. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О транспортной безопасности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. - 12.02.2007. - № 7. - Ст. 837.
3. Постановление Правительства РФ от 29.12.2020 № 2344 (ред. от 10.10.2024) «Об уровнях безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств и о порядке их объявления (установления)» // Собрание законодательства РФ. - 11.01.2021. - № 2 (часть I). - Ст. 396.
4. Степкин Р. М., Голубятникова Ю. Ю. Механизм обеспечения транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры // Вестник БелЮИ МВД России. - 2022. - №1. – С. 80-84
5. Зайкова С.Н. Административно-правовое обеспечение транспортной безопасности: международно-правовые основания // Транспортное право. - 2021. - № 4. - С. 3 - 6.
6. Бажина М.А. Правовое обеспечение транспортной безопасности в условиях цифровизации // Транспортное право. - 2023. - № 1. - С. 6 - 9
7. Оноколов Ю.П. Некоторые понятия правового регулирования цифровизации транспортного комплекса Российской Федерации // Транспортное право. - 2023. - № 1. - С. 10 - 13.

References

1. Order of the Government of the Russian Federation No. 3363-r dated 27.11.2021 (as amended on 06.11.2024) "On the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period up to 2035" // Collection of Laws of the Russian Federation. - 13.12.2021. - No. 50 (Part IV). 8613.
 2. Federal Law No. 16-FZ of 09.02.2007 (as amended on 08.08.2024) "On Transport Safety" (as amended and supplemented, intro. effective from 09/01/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 12.02.2007. - No. 7. - Art. 837.
 3. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2344 dated 29.12.2020 (as amended on 10.10.2024) "On the Safety Levels of Transport Infrastructure Facilities and Vehicles and the Procedure for Their Declaration (Establishment)" // Collection of Laws of the Russian Federation. - 11.01.2021. - No. 2 (Part I). - Art. 396.
 4. Stepkin R. M., Golubyatnikova Yu. Yu. The Mechanism of Ensuring Transport Security at Transport Infrastructure Facilities // Bulletin of BelYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - No. 1. – Pp. 80-84
 5. Zaitkova S.N. Administrative and Legal Support for Transport Security: International Legal Foundations // Transport Law. - 2021. - No. 4. - Pp. 3 - 6.
-

6. Bazhina M.A. Legal Support for Transport Security in the Context of Digitalization // Transport Law. - 2023. - No. 1. - Pp. 6 - 9

7. Onokolov Yu.P. Some Concepts of Legal Regulation of Digitalization of the Transport Complex of the Russian Federation // Transport Law. - 2023. - No. 1. - Pp. 10 - 13.

Сведения об авторах: Каверина Мария Николаевна, e-mail: mnkaverina@mail.ru; Мирончуковская Виктория Викторовна, SPIN-код: 4531-7437, AuthorID: 743013, ORCID 0000-0001-7658-2375, e-mail: bosfor4878@mail.ru.

Для цитирования: Каверина М.Н., Мирончуковская В.В., (2025) Методы и средства обеспечения транспортной безопасности. *Вопросы государства и права*, № 4(11). с. 60-66, <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-60-66>.

Получена: 23 октября 2025; прошла рецензирование 12 ноября 2025; принта 20 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © М.Н. Каверина, В.В. Мирончуковская (2025) Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Authors: Maria N. Kaverina, e-mail: mnkaverina@mail.ru; Victoria V. Mironchukovskaya, SPIN-код: 4531-7437, AuthorID: 743013, ORCID 0000-0001-7658-2375, e-mail: bosfor4878@mail.ru.

For citation: Kaverina M.N., Mironchukovskaya V.V. (2025) Methods and means of ensuring transport security. *Questions of State and Law*, no. 4(11), pp. 60-66. <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-60-66>.

Received 23 October 2025; reviewed 12 November 2025; accepted 20 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © M.N. Kaverina, V.V. Mironchukovskaya (2025). Published by Bunin Yelets State University. Open access under CC BY-NC License 4.0.

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ
(НА ПРИМЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА)**

А.Ю. Тимошенко

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
399770 г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, д. 28,1
(Россия, Елец)

***Резюме.** Статья посвящена цифровизации и цифровой трансформации отрасли железнодорожного транспорта в России. Рассмотрены различия в этих терминах. Представлен обзор национальных проектов и федеральных программ цифровизации железнодорожного транспорта, а также некоторые достижения в рамках программ развития железнодорожной отрасли в части внедрения цифровых технологий в системы управления, работы с клиентами, грузоперевозки и др. Это говорит о том, что в отрасли происходит не просто цифровизация некоторых процессов как замена аналоговых инструментов управления, а, именно, цифровая трансформация, где цифровые технологии внедрены в содержание процессов и определяют дальнейшее развитие отрасли. Основная цель на сегодняшний день – формирование единого цифрового транспортного пространства, в том числе с помощью формирования цифровизированных мультимодальных маршрутов, а также организация безопасных удобных грузовых и пассажирских перевозок.*

***Ключевые слова:** цифровизация, цифровая трансформация, национальный проект, стратегия развития транспорта, эффективная транспортная система*

DOI 10.24888/2949-3293-2025-4-11-67-74

**LEGAL FOUNDATIONS OF DIGITALIZATION IN THE TRANSPORT INDUSTRY
(ON THE EXAMPLE OF RAIL TRANSPORT)**

Aleksey Yu. Timoshenkov

Bunin Yelets State University
399770, Yelets Yelets, Kommunarov str., 28.1
(Yelets, Russia)

Abstract: The article is devoted to the digitalization and digital transformation of the railway transport industry in Russia. The differences between these terms are discussed. An overview of national projects and federal programs for the digitalization of railway transport is presented. The article highlights some achievements in the development of the railway industry, including the implementation of digital technologies in management systems, customer service, freight transportation, and more. This demonstrates that the industry is not just digitalizing certain processes, but also replacing analog management tools with digital ones. It is a digital transformation, where digital technologies are embedded in the content of

processes and predetermine the further development of the industry. The main goal today is to create a unified digital transport space, including through the formation of digitalized multimodal routes, as well as to organize safe and convenient cargo and passenger transportation.

Keywords: digitalization, digital transformation, national project, transport development strategy, and efficient transport system

Цифровизация транспортной отрасли столкнулась с рядом проблем, по своим свойствам схожими с проблемами рынка информационных технологий в целом. В транспортной отрасли при обозначении современных реформ применяются два близких понятия: «цифровизация» и «цифровая трансформация». Однако считаем, эти два понятия не являются тождественными и их смешение не является правильным.

Понятие «цифровизация» является достаточно устоявшимся как в науке, так и в нормотворчестве, в основном на уровне подзаконных актов. С.С. Хомякова определяет цифровизацию как процесс, нацеленный на изменение процессов при активном внедрении цифровых технологий в социальной, экономической, медицинской и иных сферах жизни общества [1, с.9]. В.А. Плотников трактует этот термин как внедрение цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации данных в различные сферы человеческой деятельности... это современный этап развития информатизации, отличающийся преобладающим использованием цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации информации, что обусловлено появлением и распространением новых технических средств и программных решений [2].

Таким образом, цифровизация относится к преобразованию аналоговых данных в цифровые.

Понятие «цифровая трансформация», в литературе призвано определить некие процессы внедрения цифровых технологий в управленческие, производственные и иные процессы, отличающиеся от цифровизации глубиной внедрения и не ограничивающиеся оцифровкой аналоговых данных. Цифровая трансформация – процесс внедрения организацией цифровых технологий, сопровождаемый оптимизацией системы управления основными технологическими процессами. Так, Стандарт качества цифровой трансформации, разработанный автономной некоммерческой организацией «Российская система качества» указывает, что «цифровая трансформация — это комплексный процесс, который связан с радикальными изменениями в бизнес-процессах, культуре организации, организационной структуре, взаимодействии с партнерами и потребителями, инфраструктуре»[3].

Подпунктом «ж» пункта 1 Указа Президента РФ № «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы закреплена в качестве одной из целей развития страны на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года[4].

Основным правовым актом, регулирующим железнодорожную сферу является Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации». Но про цифровизацию данный закон ничего не говорит[5]. Как и

указывалось выше, цифровизация и цифровая трансформация применяются на уровне подзаконных актов.

Согласно Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года, которая утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 июня 2008 г. № 877-р, железнодорожному транспорту отведена роль основного транспорта страны. Достижению данной Стратегии способствует внедрение цифровых информационных технологий в логистику и ремонт железнодорожного транспорта[6].

ОАО «РЖД» на базе вышеуказанных актов приняло Стратегию цифровой трансформации ОАО «РЖД» до 2025 г. [7] и Программу развития информационных технологий ОАО «РЖД» до 2025 г.

Стратегия цифровой трансформации ОАО «РЖД» до 2025 года» предполагала формирование 8 цифровых платформ – комплексов взаимосвязанных технологических решений для взаимодействия участников транспортного рынка. В их числе – платформа мультимодальных пассажирских перевозок, мультимодальных грузовых перевозок, транспортно-логистических узлов, оператора линейной инфраструктуры, логистического оператора электронной коммерции, управления перевозочным процессом, тягового подвижного состава и платформа непроизводственных процессов.

Многочисленные статистические исследования охарактеризовали особенности цифровой трансформации семи отраслей российской экономики: промышленности, ТЭК, сельского хозяйства, строительства, транспорта и логистики, финансового сектора и здравоохранения.

Наиболее востребованы цифровые технологии в ТЭК, здравоохранении, транспорте и финансовом секторе, в меньшей мере спрос выражен в сельском хозяйстве и строительстве. Цифровая трансформация российского ТЭК соответствует глобальным трендам отрасли, наиболее заметно в сфере предоставления услуг энергетических компаний.

В числе приоритетов государства – создание платформы ЖКХ и потребление энергоресурсов. В строительной отрасли популярность набирают – «информационное моделирование зданий» (BIM – технологии).

Развитие цифровой медицины в России ускорила пандемия COVID-19. Для лечения пациентов с диагнозом COVID-19, которые наблюдались на дому, были созданы региональные телемедицинские центры, предоставляющие удаленные медицинские консультации.

Для всех без исключения отраслей важнейшим аспектом функционирования в цифровом контуре является кибербезопасность.

Задачи цифровизации все чаще становятся частью многих национальных проектов: «Инфраструктура для жизни», «Эффективная транспортная система». Их насчитывается более 18. В каждом проекте ключевую роль играют цифровые технологии. Национальная транспортно-логистическая платформа (НЦТЛП) помогает сокращать время и издержки бизнеса. НЦТЛП – это база, в которой взаимодействуют все участники грузоперевозок от водителей до представителей органов власти.

За последнее десятилетие в России приняты ряд национальных проектов, среди которых есть и те, что имеют прямое отношение к транспортной сфере.

Так, например в 2025г. в РФ стартовал национальный проект «Эффективная транспортная система», в рамках которой существует федеральный проект «Цифровая

трансформация»[8]. Планируется, что к 2030 году почти 320 миллиардов бумажных носителей будут переведены в электронный формат. При этом планируется сэкономить почти 170 миллиардов рублей и увеличить скорость доставки.

На сегодняшний день в транспортной отрасли создано 4 индустриальных центра компетенций (ИЦК), в рамках которых и запущены все национальные проекты. Так, например, в рамках ИЦК «Железнодорожный транспорт и логистика» реализует 8 проектов российских железных дорог. Созданы «Электронная транспортная накладная» (ЭТРАН) и система быстрой продажи билетов «Экспресс».

Цифровизация в железнодорожном транспорте - это процесс изменения традиционной инфраструктуры и операция железнодорожного транспорта с использованием цифровых технологий и систем обработки данных.

Цифровизация железнодорожного транспорта помогает отследить инфраструктуру поезда, тем самым обеспечить безопасность железнодорожных перевозок и снизить вероятность несчастных случаев.

Цифровые системы помогают диспетчерам более эффективно определить маршруты и движение поездов. Постоянно мониторить железнодорожные пути и мосты, сигнализацию, тем самым своевременно предотвращает аварии.

Цифровые технологии помогают всем пассажирам приобрести билеты онлайн, отследить расписание поездов и т.д.

Все вышеперечисленные цифровые решения в сфере железнодорожного транспорта могут быть выгодными как с экономической, так и с экологической точки зрения. Цифровизация железнодорожного транспорта, затрагивает не только движение подвижного состава, но и сопутствующий документооборот.

На сегодняшний день все данные о маршруте, грузе, отправителе и получателе хранятся в едином цифровом пространстве, тем самым минимизируются риски ошибок и потери документов.

В 2024 году Россия и Китай договорились о цифровизации железнодорожных перевозок, включая беспилотные поезда и электронные накладные.

Восточно-Сибирская железная дорога внедряет цифровые технологии, особенно роботов и беспилотные составы, все это в рамках стратегии цифровой трансформации РЖД.

Байкало-Амурская магистраль внедряет систему лазерного сканирования с возможностью построения 3D – моделей вагонов и технологию виртуальной сцепки с помощью радиосвязи.

Россия и 14 стран договорились об ускорении цифровой трансформации железнодорожного транспорта в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Она включает вопросы электронной обработки транспортных и сопроводительных документов, развитие телекоммуникационных сетей, в том числе на основе технологий 4G и 5G, и защиту всей информации от несанкционированного доступа [9].

«Центр фирменного транспортного обслуживания», который оказывает коммерческие перевозки в рамках РЖД, запустил проект «Мультилог», который предназначен для построения логистической цепочки при мультимодальных перевозках, т.е. не только по железной дороге, но и другими видами транспорта. Но возникает проблема, так как не все клиенты готовы пользоваться электронным взаимодействием, идет проверка

благонадежности контрагентов для мультимодальных перевозок, а для этого должно пройти время.

Проект «Цифровая железная дорога» позволяет повысить качество транспортных и логистических услуг за счёт цифровых технологий.

На развитие РЖД до 2025 года было выделено 9 трлн. рублей из них – 4 трлн.рублей были средства инвесторов.

До 2030 г. на российских железных дорогах могут появиться беспилотные поезда дальнего следования. Но для обеспечения полной безопасности, все равно будут оставлять машиниста, который будет следить за функционированием системы. Так, например, в августе 2024 года уже запущен первый в мире пассажирский поезд «Ласточка» с 3 уровнем автоматизации, где машинист не управляет поездом, а лишь контролирует работу автоматических механизмов и в случае возникновения внештатной ситуации может сразу вмешаться в управление. Оборудованная «Ласточка» перевозит пассажиров по Московскому центральному кольцу (МЦК). Полностью беспилотный поезд планируется в 2026 г. Появился «Финист» импортнозамещенная версия «Ласточки» – эти поезда с 2014 года готовились на заводе «Уральские локомотивы». Также с сентября 2020 года ведутся испытания поездов с искусственным интеллектом.

Современная цель – сформировать в России единое цифровое транспортное пространство, сделать пассажирские и грузовые перевозки более безопасными, удобными, доступными для людей и бизнеса, снизить издержки, расширить экспортные и транзитные возможности

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest. The author declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики. Автор заявляет о соответствии исследования этическим принципам

Ethics Approval. The author declare that the study complies with all applicable ethical principles.

Список источников

1. Хомякова С.С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне // Молодой ученый. 2019. № 41. С. 9-11 [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://app-static-cdn.moluch.org/archive/279/> (дата обращения: 09.11.2025)

2. Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике / В.А. Плотников [Электронный ресурс]: научная электронная библиотека «Киберленинка». — Санкт-Петербург, 2018. — Доступ к электронному ресурсу: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-proizvodstva-teoreticheskaya-suschnost-i-perspektivy-razvitiya-v-rossiyskoy-ekonomike/viewer> (дата обращения: 01.11.2025).

3. Цифровая трансформация. Основные принципы, этапы и результаты реализации [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу:

<https://roskachestvo.gov.ru/about/competence/digital/docs/standart.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

4. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента Российской Федерации. Доступ к электронному ресурсу: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986> (дата обращения: 09.11.2025).

5. Федеральный Закон «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10.01.2003 г. № 17-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/ (дата обращения: 09.11.2025)

6. Распоряжение Правительства РФ от 17.06.2008 N 877-р «О Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий по реализации в 2008 - 2015 годах Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года») // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92060 (дата обращения: 09.11.2025)

7. Стратегия цифровой трансформации РЖД. [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Стратегия_цифровой_трансформации_РЖД (дата обращения: 09.11.2025)

8. Национальные проекты России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/transport/cifrovaya-transformaciya/> (дата обращения: 09.11.2025)

9. В Москве обсудили цифровую трансформацию железнодорожного транспорта АТР [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://cargo.rzd.ru/ru/9514/page/3104?id=294074> (дата обращения: 09.11.2025)

10. Анохов А.В. Влияние цифровизации железных дорог на развитие национальной экономики / И.В. Анохов, О.Н. Римская, А.В. Хомов // Транспортные системы и технологии. -2022.- №2.- С.135-148

11. Помозова Ю.А. Искусственный интеллект в высокоскоростных железных дорогах / Ю.А. Помозов, А.Е. Мастилин // Научные междисциплинарные исследования. - 2021.- №2.- С.57-62.

References

1. Khomyakova S.S. Transformation and consolidation of the term "digitalization" at the legislative level // Young Scientist. 2019. No. 41. Pp. 9-11 [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://app-static-cdn.moluch.org/archive/279/> (accessed: 09.11.2025)

2. Plotnikov, V.A. Digitalization of Production: Theoretical Essence and Development Prospects in the Russian Economy / V.A. Plotnikov [Electronic resource]: scientific electronic library "Cyberleninka".— St. Petersburg, 2018.— Access to the electronic resource: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-proizvodstva-teoreticheskaya-suschnost-i-perspektivy-razvitiya-v-rossiyskoy-ekonomike/viewer> (accessed on 01.11.2025).

3. Digital Transformation. Basic Principles, Stages, and Results of Implementation [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://roskachestvo.gov.ru/about/competence/digital/docs/standart.pdf> (accessed on 09.11.2025).

4. Decree of the President of the Russian Federation "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the period up to 2036. [Electronic resource]. Official website of the President of the Russian Federation. Access to the electronic resource: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986> (accessed: 09.11.2025).

5. Federal Law "On Railway Transport in the Russian Federation" dated 10.01.2003 No. 17-FZ // SPS "Consultant Plus" [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/ (accessed on 09.11.2025)

6. Order of the Government of the Russian Federation dated 17.06.2008 No. 877-r "On the Strategy for the Development of Railway Transport in the Russian Federation until 2030" (together with the "Action Plan for the Implementation of the Strategy for the Development of Railway Transport in the Russian Federation until 2030 in 2008-2015") // SPS "Consultant Plus" [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92060

7. RZD Digital Transformation Strategy. [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:RZD_Digital_Transformation_Strategy

8. National Projects of Russia. Official website [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://nationalprojects.ru/new-projects/transport/cifrovaya-transformaciya/>

9. Digital transformation of the Asia-Pacific region's railway transport was discussed in Moscow [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://cargo.rzd.ru/ru/9514/page/3104?id=294074>

10. Anokhov A.V. The Influence of Digitalization of Railways on the Development of the National Economy / I.V. Anokhov, O.N. Rimskaya, A.V. Khomov // Transport Systems and Technologies.-2022.- No.2.- P.135-148

11. Pomozova Yu.A. Artificial Intelligence in High-Speed Railways / Yu.A. Pomozov, A.E. Mastilin // Scientific Interdisciplinary Research.-2021.- No. 2.- Pp. 57-62.

Сведения об авторах: Тимошенко Алексей Юрьевич, e-mail: aleksei.timoshenkov9@yandex.ru.

Для цитирования: Тимошенко А.Ю. (2025) Правовые основы цифровизации транспортной отрасли (на примере железнодорожного транспорта). *Вопросы государства и права*, № 4(11). с. 67-74, <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-67-74>.

Получена: 06 ноября 2025; прошла рецензирование 12 ноября 2025; принята 20 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А.Ю. Тимошенко (2025) Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Authors: Alexey Y. Timoshenkov, e-mail: aleksei.timoshenkov9@yandex.ru.

For citation: Timoshenkov A.Y. (2025) Legal Foundations of digitalization in the transport industry (on the example of rail transport). *Questions of State and Law*, no. 4(11), pp. 67-74. <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-67-74>.

Received 6 November 2025; reviewed 12 November 2025; accepted 20 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: ©A.Y. Timoshenkov (2025). Published by Bunin Yelets State University. Open access under CC BY-NC License 4.0.

**ПРОКУРАТУРА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В СИСТЕМЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ**

В.В. Хомченко

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
399770 г. Елец, Липецкой области, ул. Коммунаров, 28,1
(Елец, Россия)

Н.Н. Ривоненко

старший советник юстиции, прокурор Горняцкого района г. Макеевки ДНР
286132 Донецкая Народная Республика, г. Макеевка, ул. Лихачева, 51
(Донецкая Народная Республика, Россия)

***Резюме.** В статье исследуется роль прокуратуры Донецкой Народной Республики (ДНР) в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в период проведения специальной военной операции. Авторы анализируют изменение функций прокуратуры ДНР в условиях проведения специальной военной операции, процессы интеграции с правовой и правоохранительными системами Российской Федерации, а также основные направления деятельности, целью которых является стабилизация общественно-политической обстановки на освобожденных территориях. Особое внимание авторы уделяют таким аспектам, как противодействие терроризму и экстремизму, защите государственной и общественной безопасности, обеспечению законности в экономической сфере и защите социальных прав граждан. Делается вывод о том, что прокуратура ДНР, взаимодействуя с другими правовыми и правоохранительными структурами, стала важным элементом в построении единого правового пространства и гарантом укрепления юрисдикции Российской Федерации на новых территориях.*

***Ключевые слова:** прокуратура, Донецкая Народная Республика, экстремизм, специальный правовой режим, безопасность, интеграция*

DOI 10.24888/2949-3293-2025-4-11-75-82

**PROSECUTOR'S OFFICE OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC IN THE
RUSSIAN NATIONAL SECURITY SYSTEM DURING THE SPECIAL
MILITARY OPERATION**

Viktoria V. Khomchenko V.V.

Bunin Yelets State University
399770 Yelets, Kommunarov Street, 28,1
(Yelets, Russia)

Nikolay N. Rivonenko

Senior Counselor of Justice, Prosecutor of the Gornyatsky District of Makeyevka, DPR
DPR Makeyevka Likhacheva Street 51,
(Donetsk People's Republic, Russia)

***Abstract:** The article examines the role of the Prosecutor's Office of the Donetsk People's Republic (DPR) in the national security system of the Russian Federation during the*

special military operation. The authors analyze the changes in the functions of the DPR Prosecutor's Office during the special military operation, the integration processes with the legal and law enforcement systems of the Russian Federation, and the main areas of activity aimed at stabilizing the socio-political situation in the liberated territories. The authors pay special attention to such aspects as countering terrorism and extremism, protecting state and public security, ensuring the rule of law in the economic sphere, and protecting the social rights of citizens. It is concluded that the DPR Prosecutor's Office, in cooperation with other legal and law enforcement agencies, has become an important element in building a unified legal space and a guarantor of strengthening the jurisdiction of the Russian Federation in the new territories.

Keywords: *Prosecutor's Office, Donetsk People's Republic, extremism, special legal regime, security, integration*

В 2022 году Донецкая Народная Республика вошла в состав Российской Федерации, что кардинально изменило геополитическую и правовую реальность региона. Продолжение специальной военной операции на территории республики ставит перед нашей страной приоритетной задачей обеспечение национальной безопасности. Ключевую роль в решении этой задачи играют государственные органы, среди которых главенствующая роль отведена органам прокуратуры. Прокуратура ДНР, пройдя нелегкий путь своего формирования как надзорного органа вновь образованного государства, участвующего в военных действиях, столкнулась с необходимостью адаптации к российскому законодательству в условиях выполнения специфических функций в режиме чрезвычайной ситуации, вызванной специальной военной операцией.

Одним из первых упоминаний о прокуратуре на территории Донецкой области Украины является Юзовская уездная прокуратура, находившаяся в г. Юзовке (ныне Донецк) в 1923 году.

После образования в 1932 году Сталинской области (с центром в Сталино, ныне Донецк) была создана прокуратура Сталинской области. Она являлась частью единой системы прокуратуры Украинской ССР и, соответственно, прокуратуры СССР.

Прокуратура Сталинской области в СССР выполняла классические для советской прокуратуры функции, которые кардинально отличались от функций прокуратуры в странах с англосаксонской системой права. Её часто называли "оком государевым". Основными задачами прокуратуры в то время являлось осуществление надзора за точным исполнением законов всеми министерствами, ведомствами, предприятиями, учреждениями, должностными лицами и гражданами. Прокуроры проверяли законность издаваемых актов, соблюдение трудовых прав, поддерживали государственное обвинение в суде, надзирали за исполнением законов в местах лишения свободы (тюрьмах, лагерях).

Как в крупнейшем промышленном и угледобывающем регионе СССР прокуратура в Донецкой области уделяла особое внимание надзору за соблюдением трудового законодательства и правил охраны труда на шахтах и заводах, борьбой с хищениями социалистической собственности и спекуляцией.

После распада СССР в 1991 году прокуратура Донецкой области вошла в систему правоохранительных органов независимой Украины [1]. Она располагалась в том же

здании, что и в советское время, и часть сотрудников продолжила прохождение службы на своих должностях.

После создания Донецкой Народной Республики в 2014 году [2] встал вопрос о создании собственной прокуратуры в регионе. В течение переходного периода Генеральная прокуратура Российской Федерации оказывала содействие в создании органов прокуратуры на территории ДНР. Прокуратура ДНР не является правопреемником советской прокуратуры, так как была создана на основе законодательства самопровозглашенной республики, а не Украины.

Указанное нашло свое отражение в принятии Народным Советом Донецкой Народной Республики Закона Донецкой Народной Республики от 10.09.2018 № 243-ІНС «О прокуратуре» [3], который во многом идентичен Федеральному закону от 17.01.1992 № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» [4], но имеет и существенные отличия. Так, например, в подследственность Генеральной прокуратуры ДНР входил определенный перечень преступлений, которые в российском законодательстве отнесены к подследственной деятельности Следственного комитета РФ.

До 2022 года прокуратура ДНР функционировала в рамках собственной правовой системы, испытывая значительные трудности, связанные с изоляцией образованного государства, нехваткой кадров и сложной оперативной обстановкой. С началом специальной военной операции и последующим вхождением в правовое поле России начался процесс унификации деятельности прокуратуры ДНР с общероссийскими стандартами. Принятие Федерального конституционного закона от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» [5] стало правовой основой для этого процесса.

После вступления ДНР в состав Российской Федерации была создана прокуратура ДНР, а Генеральная прокуратура Донецкой Народной Республики Указом Главы Донецкой Народной Республики от 12.04.2023 N 117 [6] ликвидирована.

В настоящее время прокуратура ДНР осуществляет свою деятельность в соответствии с российским законодательством с отдельными особенностями, связанными с поступлением на службу, с ее прохождением, структурой прокуратуры и многим другим. Так, к примеру, особенностями деятельности прокуратуры ДНР, в отличие от деятельности прокуратур в других регионах России, является увеличение количества штатных сотрудников в отделе собственной безопасности, фактическое предоставление табельного оружия личному составу и постоянные учебные тренировки с ним, увеличенное материальное обеспечение оперативных сотрудников, наличие льготного стажа, назначение всех работников органов прокуратуры, в том числе технического персонала, обслуживающего здания и сооружения органов прокуратуры, после проведения проверки личности таких сотрудников Генеральной прокуратурой РФ.

На прокуратуру ДНР были возложены задачи, определенные Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», однако их реализация происходит в уникальных условиях.

Так, в силу того, что на территории Донецкой народной республики до настоящего времени продолжается осуществление специальной военной операции, деятельность прокуратуры осуществляется в специальном правовом режиме. Это находит свое отражение в расширении перечня объектов прокурорского надзора (воинские подраз-

деления, тыловые структуры, госпитали) и требует от оперативных сотрудников повышенного внимания к соблюдению законности в сфере обороны и мобилизационной готовности.

Территория республики до настоящего времени остается зоной повышенной террористической и диверсионной опасностей, что делает ключевой надзорную функцию прокуратуры в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Прокуроры поддерживают государственное обвинение по делам о терроризме, диверсиях и иной деятельности, направленной на подрыв конституционного строя России на территории новых регионов, осуществляют надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности и следственных действий по таким делам, что необходимо для недопущения судебных ошибок и обеспечения неотвратимости назначенного наказания.

Прокуратура осуществляет надзор за законностью решений, принимаемых правоохранительными органами. Важным аспектом является противодействие мародерству, незаконному обороту оружия и коррупции, которые могут подрывать авторитет государственной власти в глазах местных жителей.

Деятельность оперативных сотрудников прокуратуры ДНР всецело направлена на защиту государственной безопасности и суверенитета нашей страны на территории нового региона. Это направление надзорной деятельности включает в себя надзор за соблюдением законодательства о государственной тайне, противодействие шпионажу и деятельности иностранных некоммерческих организаций, которые могут быть каналом влияния недружественных правительств. Прокуратура ДНР участвует в выявлении и пресечении попыток реабилитации нацизма и фальсификации исторической памяти, что особенно актуально для региона со сложной историей.

Стабильность общественной жизни и государственного строя на территории региона напрямую зависит от восстановления экономики и соблюдения социальных прав граждан. Прокуратура республики осуществляет надзор за исполнением законодательства в сфере выплаты пенсий, пособий, восстановления жилищно-коммунального хозяйства, а также за целевым использованием бюджетных средств, выделенных на восстановительные работы. Борьба с экономическими преступлениями, нарушениями в сфере торговли способствует нормализации жизни и укреплению доверия к российской власти.

Несмотря на значительные успехи, процесс интеграции прокуратуры ДНР в единую правовую систему России сталкивается с рядом проблем.

Одной из первоочередных задач на этом пути является формирование профессионального и эффективного кадрового состава органов прокуратуры в Донецкой Народной Республике. Существует необходимость переподготовки сотрудников в соответствии с российскими правовыми стандартами и этическими требованиями.

В процессе укрепления кадрового состава прокуратуры Донецка возникает объективная сложность: не все сотрудники прокуратур из других регионов России изъявляют готовность к переводу на новые территории. Это создает определенный дефицит квалифицированных кадров, который требует комплексного решения.

Для преодоления этой проблемы руководством Генеральной прокуратуры РФ разработан ряд мер. Так, например, для привлечения прокуроров и из других регионов предлагается комплекс стимулирующих мер: значительные надбавки к заработной плате («коэффициент опасности» и надбавки за работу в особых условиях), предоставление слу-

жебного жилья или компенсация аренды, программы льготной ипотеки. Президентом РФ принят Указ от 23 марта 2023 г. № 187, определяющий «поощрительные» особенности поступления на службу в том числе в органы прокуратуры, позволяющего не проходить в некоторых случаях испытания, получать сразу же при поступлении классные чины [7]. Особой миссией работы в органах прокуратуры на территории новых регионов является не просто служба, а непосредственное участие в восстановлении правопорядка и интеграции исторических земель в состав России.

Эффективная деятельность любых государственных органов, в том числе правоохранительных, зависит не только от высококвалифицированных кадров, но и мощной инфраструктуры, которая позволяет сотрудникам полноценно осуществлять свои полномочия. Подпунктом 22 пункта 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации этот вопрос возведен в ранг вопросов национальной безопасности. В нем указывается, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение задач комплексного развития правоохранительных органов, специальных служб, в соответствии с решаемыми ими задачами, повышение уровня их технической оснащенности, усиление социальной защищенности их сотрудников, совершенствование системы профессиональной подготовки [8]. Органов прокуратуры, как элемента структуры правоохранительной системы, это положение также касается. Более того, как утверждают О.С. Капинус, И.Б. Кардашова и В.П. Рябцев, «уникальность положения прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности заключается в надведомственном характере ее деятельности, а также в том, что никакие другие государственные органы не имеют столь универсальных полномочий при решении многоплановых задач обеспечения национальной безопасности, в том числе по объему сфер правовых отношений, на которые распространяется прокурорский надзор за исполнением законов» [9, с. 13].

В настоящее время требуется модернизация материально-технической базы и внедрение российских информационных систем (в ряде населенных пунктов невозможно обеспечить функционирование таким систем как Надзор-WEB, ИС МЭВ ввиду обстрелов). Постоянная угроза диверсий затрудняет полноценное выполнение надзорных функций.

Вхождение Донецкой Народной Республики в правовое поле Российской Федерации открыло новый этап в работе органов прокуратуры. Надзорное ведомство должно стать гарантом законности и правопорядка в новом регионе. Каковы же ключевые векторы развития прокуратуры ДНР на ближайшие годы?

Перспективы развития видятся в дальнейшей унификации законодательной базы, усилении межведомственного взаимодействия с ФСБ, МВД и Следственным комитетом России, а также в активном обмене опытом с прокуратурами других субъектов РФ, внедрении лучших практик и наработок прокуратур России.

Будущее правоохранительной системы – за высокими технологиями. Перспективы развития в этой сфере: внедрение систем электронного документооборота с федеральными органами власти и судами, обеспечение прокуроров самым современным компьютерным оборудованием для повышения эффективности работы.

Формирование кадрового резерва в прокуратуре ДНР должно заключаться в выявлении талантливых местных специалистов и привлечение опытных сотрудников из

других регионов России с помощью комплексных программ мотивации (ипотека, материальные выплаты, карьерные перспективы).

Через несколько лет прокуратура региона должна стать полноценной, технически оснащенной и авторитетной частью единой системы органов прокуратуры страны. Это сложная, но достижимая цель, реализация которой станет залогом стабильности и правовой защищенности жителей Донецка и всего региона. Через осуществление надзора в сфере противодействия терроризму, защиты государственного суверенитета, экономической и социальной стабильности прокуратура ДНР вносит существенный вклад в укрепление безопасности южных рубежей России и стабилизации обстановки на освобожденных территориях.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest. The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики. Авторы заявляют о соответствии исследования этическим принципам

Ethics Approval. The authors declare that the study complies with all applicable ethical principles.

Список литературы

1. Закон Украины от 5 ноября 1991 года №1789-ХІІ. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=16014 (дата обращения: 09.11.2025).

2. Декларация о суверенитете Донецкой Народной Республики // Викитека [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_о_суверенитете_Донецкой_Народной_Республ_ики (дата обращения: 09.11.2025).

3. Закон Донецкой Народной Республики от 10.09.2018 № 243-ІНС «О прокуратуре» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://base.garant.ru/405887763/> (дата обращения: 09.11.2025).

4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 09.11.2025).

5. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/ (дата обращения: 09.11.2025).

6. Указ Главы Донецкой Народной Республики № 117 от 12.04.2023 «О ликвидации Генеральной прокуратуры Донецкой Народной Республики» // СПС «Гарант»

[Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://base.garant.ru/406734741/> (дата обращения: 09.11.2025).

7. Указ Президента РФ от 23 марта 2023 г. № 187 «Об особенностях поступления на службу в органы и организации прокуратуры Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406493169/> (дата обращения: 09.11.2025).

8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400)

References

1. Law of Ukraine No. 1789-XII dated November 5, 1991. // Legislation of the CIS Countries [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=16014 (accessed on November 9, 2025).

2. Declaration on the Sovereignty of the Donetsk People's Republic // Wikisource [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://ru.wikisource.org/wiki/Declaration_on_the_Sovereignty_of_the_Donetsk_People's_Republic (accessed on 09.11.2025).

3. Law of the Donetsk People's Republic No. 243-INS dated 10.09.2018 "On the Prosecutor's Office" // SPS "Garant" [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://base.garant.ru/405887763/> (accessed on 09.11.2025).

4. Federal Law No. 2202-1 dated January 17, 1992, "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // SPS "Consultant Plus" [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (accessed: 09.11.2025).

5. Federal Constitutional Law No. 5-FKZ dated 04.10.2022 "On the Admission of the Donetsk People's Republic to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation" // SPS "Consultant Plus" [Electronic resource]. Access to the electronic resource: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/ (accessed: 09.11.2025).

6. Decree of the Head of the Donetsk People's Republic No. 117 dated 12.04.2023 "On the Liquidation of the General Prosecutor's Office of the Donetsk People's Republic" // SPS "Garant" [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://base.garant.ru/406734741/> (accessed on 09.11.2025).

7. Decree of the President of the Russian Federation No. 187 dated March 23, 2023, "On the Peculiarities of Admission to Service in the Bodies and Organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the Territories of the Donetsk People's Republic, the Lugansk People's Republic, the Zaporizhzhia Region, and the Kherson Region" // SPS "Garant" [Electronic resource]. Access to the electronic resource: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406493169/> (date of access: 09.11.2025).

8. The National Security Strategy of the Russian Federation (approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400)

Сведения об авторах: Хомченко Виктория Валерьевна, e-mail: vovchenko.92@mail.ru; Ривоненко Николай Николаевич, e-mail: grp23@gpdnr.su.

Для цитирования: Хомченко В.В., Ривоненко Н.Н. (2025) Прокуратура Донецкой Народной Республики в системе национальной безопасности России в условиях специальной военной операции. *Вопросы государства и права*, № 4(11). с. 75-82, <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-75-82>.

Получена: 06 ноября 2025; прошла рецензирование 12 ноября 2025; принта 20 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: ©В.В. Хомченко, Н.Н. Ривоненко (2025) Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии СС ВУ 4.0.

Authors: Viktoria V. Khomchenko, e-mail: vovchenko.92@mail.ru; Nikolay N. Rivonenko, e-mail: grp23@gpdnr.su.

For citation: Khomchenko V.V., Rivonenko N.N. (2025) Prosecutor`s office of the Donetsk People`s Republic in the russian national security system during the special military operation. *Questions of State and Law*, no. 4(11), pp. 75-82. <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-75-82>.

Received 6 November 2025; reviewed 12 November 2025; accepted 20 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: ©V.V. Khomchenko, N.N. Rivonenko (2025). Published by Bunin Yelets State University. Open access under CC BY-NC License 4.0.

**ЧАСТНЫЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ:
ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ**

А.А. Присяжнюк

РЭУ им. Г.В. Плеханова
105187 г. Москва ул. Щербакова, 38
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель: Т.В. Воротилина
РЭУ им. Г.В. Плеханова
(г. Москва, Россия)

***Резюме.** Статья посвящена изучению особенностей и перспектив развития частных пенитенциарных учреждений в России. Проведен сравнительный анализ моделей функционирования частных тюрем в ведущих мировых практиках – США, Австралии и Израиля. Выявлены преимущества и недостатки внедрения частных исправительных заведений, определены возможные пути оптимизации взаимодействия государственных органов и бизнеса в сфере исполнения уголовных наказаний. Исследование акцентирует внимание на ключевых аспектах повышения экономической эффективности, улучшения условий содержания осужденных и обеспечении соблюдения их прав и свобод. В заключении предложены рекомендации по формированию эффективной правовой основы и регулированию деятельности частных пенитенциарных учреждений в условиях современной России.*

***Ключевые слова:** пенитенциарное учреждение, осужденный, аренда, бюджет
DOI 10.24888/2949-3293-2025-4-11-83-90*

**PRIVATE PENITENTIARY INSTITUTIONS:
ORGANIZING WORK WITH CONVICTS**

Alina A. Prisyazhnyuk

*Plekhanov Russian University of Economics
105187 Moscow, Shcherbakovskaya Street, 38
Moscow, Russia*

*Scientific supervisor: Tatiana V. Vorotilina
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia.*

***Abstract:** This article examines the characteristics and development prospects of private penitentiary institutions in Russia. A comparative analysis of private prison operating models in leading global institutions—the United States, Australia, and Israel—is provided. The ad-*

vantages and disadvantages of introducing private correctional facilities are identified, and possible ways to optimize interactions between government agencies and businesses in the area of criminal justice are identified. The study focuses on key aspects of increasing economic efficiency, improving conditions for prisoners, and ensuring their rights and freedoms. The conclusion offers recommendations for developing an effective legal framework and regulating the activities of private penitentiary institutions in modern Russia.

Keywords: penitentiary institution, convict, rent, budget

Пенитенциарные учреждения представляют собой заведения, находящиеся в собственности коммерческих структур, нацеленных на извлечение прибыли путем предоставления своих объектов государственной системе исполнения наказаний. Эти коммерческие организации берут на себя обязательства по управлению такими объектами, заключив соответствующие контракты с государственными органами власти [7].

Частные тюрьмы стали популярной альтернативой традиционным государственным учреждениям благодаря своей способности существенно экономить бюджетные ресурсы страны. Как правило, такие структуры работают гораздо эффективнее традиционных госучреждений, поскольку заинтересованы в снижении издержек и повышении производительности труда персонала.

Одним из главных плюсов частных пенитенциарных учреждений является возможность для заключенных приносить реальную пользу обществу, даже находясь в изоляции от внешнего мира. Они не просто отбывают срок наказания, а активно участвуют в трудовой деятельности, производя товары и оказывая услуги, востребованные обществом. Допустим, организация, управляющая частной тюрьмой, выигрывает контракт на строительство дороги. Тогда заключённые, привлечённые к этому проекту, получают заработную плату за свою работу. Благодаря таким выплатам они частично покрывают затраты на своё содержание в учреждении, уменьшая финансовую нагрузку на государство и ускоряя процесс возмещения ущерба, нанесённого обществу[5].

Сейчас в России функционируют исключительно государственные исправительные учреждения, где расходы на содержание осуждённых полностью финансируются из федерального бюджета, то есть фактически из налогов граждан. Несправедливо заставлять честных трудящихся оплачивать проживание тех, кто нарушил закон. Возможно, введение негосударственных пенитенциарных заведений позволило бы значительно снизить налоговую нагрузку на население, уменьшив количество денег, выделяемых из карманов обычных россиян на нужды, преступивших закон.

В 2025 году Россия занимает второе место в мире по количеству заключенных после США. При численности населения в 1,77% от общемировой, в стране содержится около 7,5% от общего числа заключенных по всему миру. Это означает, что на содержание одного заключенного в год уходит примерно 58 тысяч рублей. Учитывая, что в российских местах лишения свободы содержится около 313 тысяч человек, общие расходы на их содержание составляют около 18,25 миллиарда рублей в год [1]. Эти средства могли бы быть направлены на развитие инфраструктуры, улучшение здравоохранения и другие важные социальные проекты, что способствовало бы повышению качества жизни граждан и укреплению экономики страны.

Частные пенитенциарные учреждения управляются негосударственными организациями по договоренности с органами власти соответствующего уровня. В отличие от

государственных учреждений, находящихся в ведении специализированных ведомств, таких как Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН) России, частные тюрьмы функционируют на основе контрактов. Осужденные туда направляются по судебным решениям в соответствии с процедурами, установленными УПК РФ и УИК РФ. В таких учреждениях присутствуют государственные инспекторы, получающие зарплату из государственного бюджета, чья задача – контролировать соблюдение правил содержания заключенных во всех аспектах. Организация, ответственная за режим, безопасность и общее состояние учреждения, получает от государства плату за каждого заключенного ежедневно или ежемесячно, что покрывает расходы тюрьмы и позволяет получить прибыль.

В России значительное число правозащитников поддерживают идею создания частных пенитенциарных учреждений, утверждая, что это позволит обеспечить более эффективное управление и улучшить условия содержания заключенных. Концепция приватизации исправительных учреждений существует уже более трех десятилетий. В 1980-х годах США стали первыми, кто начал активно переводить государственные учреждения в частный сектор в рамках политики рейганомии. В результате в стране появились частные тюрьмы, и к началу 2017 года 8,5% из полуторамилионного тюремного населения США отбывали наказание в коммерческих пенитенциарных заведениях. Сегодня это многомиллиардная отрасль, в которой занято около 34 тысяч человек. В настоящее время 17 стран, на которые приходится 90% всех заключенных в мире, уже используют или планируют в ближайшее время открыть частные исправительные учреждения [2].

Практика создания частных тюрем в других странах начала развиваться относительно недавно. В Великобритании первая частная тюрьма открылась в 1992 году, когда компания G4S выиграла тендер на ее управление. Однако в июле 2013 года эта тюрьма была возвращена под государственный контроль. На сегодняшний день в Англии и Уэльсе насчитывается 14 частных тюрем, рассчитанных на содержание 13 500 человек, что составляет около 15% от общего тюремного населения страны. В Шотландии также действуют две частные тюрьмы. Основными операторами в Великобритании являются компании Sodexo Justice services, Serco и G4S, последняя из которых является крупнейшим в мире частным бизнесом в сфере безопасности с доходом более 7 миллиардов фунтов, операциями в 125 странах и более 600 тысячами сотрудников. В 2012 году правительство Великобритании объявило о намерении передать все государственные тюрьмы в частные руки, что, по их оценкам, должно обеспечить экономию в размере 450 миллионов фунтов за шесть лет[6].

В Австралии компании The GEO Group, Serco и G4S активно участвуют в управлении частными тюрьмами. The GEO Group отмечает 20-летие своего тюремного бизнеса в стране, управляя шестью учреждениями. Serco занимается двумя тюрьмами и центрами содержания нелегальных иммигрантов, а G4S управляет семью учреждениями и имеет контракты на перевозку заключенных. На 2025 год в Австралии содержится около 44 051 заключенного, что составляет 162 человека на 100 000 населения. Это значительно ниже, чем в США, где на 100 000 населения приходится 716 заключенных. В последние десятилетия число заключенных в Австралии быстро растет, и тюрьмы страны заполнены на 106%. Частные тюрьмы становятся все более популярными, их количество увеличилось на 95% в период с 1998 по 2024 год [2].

По состоянию на апрель 2013 года места содержания лиц, нарушивших миграционное законодательство, полностью находились под управлением частных компаний. Общее число задержанных тогда составляло около 8797 человек. Практика передачи исполнения наказаний частным структурам активно рассматривается рядом стран, включая Латвию, Германию, Японию, Чехию, Россию и Южно-Африканскую Республику.

Однако этот опыт вызывает немало вопросов относительно соблюдения прав человека. Например, в Израиле закон, разрешающий создание частных тюрем, хотя и был принят парламентом ещё в 2004 году, так и не вступил в силу. Компания AFI Group успела построить исправительное учреждение на две тысячи мест, однако оно так и не открылось.

В 2009 году Верховный суд Израиля постановил признать подобные инициативы нарушающими Конституцию страны. Председатель Верховного суда Дорит Бейнич пояснила, что один из основополагающих принципов израильского права заключается в том, что применение силы, особенно в форме лишения свободы, принадлежит исключительно государству и не подлежит передаче частным лицам.

Следовательно, делегирование государством права содержать заключенных коммерческим организациям, стремящимся к извлечению выгоды, существенно подрывает доверие общества к самой идее заключения. Эта утрата легитимации влечет за собой нечто большее, нежели простое ущемление личной свободы осужденного гражданина. Нарушение фундаментального права на свободу становится значительно серьезнее и приобретает качественно иной характер.

Приверженцы идеи частных тюрем традиционно апеллируют к экономии бюджетных средств и повышению эффективности системы наказания. Так, организация Community Education Centers тратит всего лишь \$70 на одного заключённого ежедневно, что примерно вдвое ниже расходов государственных учреждений. Однако стоит учитывать одну важную деталь: зачастую такие организации уклоняются от приёма тяжёлых пациентов, перенаправляя заболевших обратно в государственные учреждения, прикрываясь условиями контрактов. Ведь именно расходы на медицинскую помощь наряду с непосредственным содержанием заключённых являются наиболее значительными статьями бюджета пенитенциарной системы [5].

Вопрос о создании частных тюрем в России остается открытым и вызывает интерес среди правозащитников, адвокатов и представителей бизнес-сообщества. Предположим, находится инвестор, готовый профинансировать строительство современной следственной тюрьмы. Возникают закономерные сомнения: каким образом определять порядок размещения обвиняемых таким образом, чтобы избежать какой бы то ни было дискриминации? Будет ли такая практика выгодной как для государства, так и для инвесторов?

Для решения этих непростых вопросов рабочая группа привлекает авторитетных специалистов различных направлений и внимательно исследует международный опыт, в частности практики европейских государств и Соединенных Штатов Америки.

Представьте себе перспективу появления частной тюрьмы будущего на территории нашей страны. Предположим, компания «Р» возводит новое современное здание либо арендует существующее помещение для реализации проекта. Такая тюрьма была бы устроена особым образом: её обитатели могли бы заниматься различными видами

трудовой деятельности, обеспечивая себя средствами к существованию, покрывая затраты на собственное проживание и качественное медицинское обслуживание.

Важная особенность состоит в том, что, завершив срок отбывания наказания, бывшие заключённые покидают тюрьму с определённым капиталом, позволяющим успешно адаптироваться к социальной среде. Известно ведь, что значительная доля преступников вскоре вновь оказывается за решёткой. Причина проста: выходя из обычной государственной тюрьмы, человек часто остаётся практически беспомощным перед лицом жизни — без средств к существованию, крыши над головой и иных необходимых ресурсов. Отсутствие элементарных условий выживания толкает бывших осуждённых снова встать на путь преступления.

Частная тюрьма предоставляла бы уникальные возможности для эффективной реабилитации заключённых. Вместо праздного времяпровождения они занимались бы трудом, получали образование или осваивали новые профессии. Это позволило бы людям выйти на свободу подготовленными и способными самостоятельно строить свою жизнь.

Такой подход мог бы стать выгодным решением и для государства. Сотрудничество с частными тюрьмами открывает перспективы сокращения затрат государственного бюджета. К примеру, при строительстве автомобильных дорог государство могло бы поставлять необходимые материалы, технику и оборудование, а частная тюрьма обеспечивала бы рабочую силу. Подобный подход позволил бы сэкономить значительные средства. Если бы аналогичный проект реализовывался традиционной коммерческой организацией, государству пришлось бы оплатить полную стоимость работ, тогда как сотрудничество с частной тюрьмой предполагает покрытие лишь части расходов.

Резюмируя изложенное, авторы данного исследования приходят к следующим выводам. Вопрос введения частных пенитенциарных учреждений в Российской Федерации на сегодняшний день остается дискуссионным и окончательно не решенным. Вместе с тем представляется целесообразным отметить потенциальные преимущества подобного подхода: реализация рассматриваемого механизма способна обеспечить существенную экономическую выгоду для государства, а также повысить уровень гуманизма в отношении содержащихся под стражей лиц.

Что касается вероятности внедрения указанной практики в российских условиях, то достоверных сведений, однозначно подтверждающих подобную перспективу, в настоящее время не имеется. Частные тюрьмы, вопреки распространенному мнению, не являются универсальным средством преодоления всех трудностей, сопряженных с вопросами правопорядка. Их функционирование, чаще всего, представляет собой репликацию подходов, принятых в государственном секторе, с акцентом на улучшение условий пребывания заключенных. Учитывая сложившуюся ситуацию в зарубежных странах, подобный вариант развития событий представляется весьма вероятным и в российском контексте, принимая во внимание специфику формирования кадрового состава таких организаций, включающего, главным образом, бывших работников государственных правоохранительных структур.

Решение проблемы российского уголовно-исполнительного комплекса требует комплексного подхода и не допускает упрощений. Улучшение условий содержания возможно лишь при условии резкого снижения численности заключенных, повышения

уровня гуманности назначаемых наказаний и усиления общественного контроля за деятельностью исправительных учреждений.

Принимая во внимание остроту обозначенной темы, полагаем необходимым принятие соответствующих законодательных мер. Целесообразно подготовить и внести в Государственную Думу специальный законопроект, регламентирующий создание и функционирование частных пенитенциарных учреждений на территории Российской Федерации. Поскольку общество психологически созрело для таких изменений, целесообразно начать эксперимент не с традиционных тюрем, а с специализированных центров, альтернативных традиционным формам исполнения наказаний.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest. The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики. Авторы заявляют о соответствии исследования этическим принципам

Ethics Approval. The authors declare that the study complies with all applicable ethical principles.

Список источников

1. Ассоциация юристов России. Выяснилось, сколько заключенных сегодня в России: меньше еще не было [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассоциации юристов России. – URL: <https://alrf.ru/news/vyyasnilos-skolko-zaklyuchennykh-segodnya-v-rossii-menshe-eshche-ne-bylo/> (дата обращения: 14.10.2025)
2. Быков А. В. Пенитенциарные системы США, ФРГ, Франции, Великобритании: особенности организации и деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. - № 11. - С.165-174.
3. Воронин А.В. Пенитенциарная система Великобритании // Сборник «Пермский период» Сборник материалов VI международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов, 2019. - С. 58-59.
4. Гнедова Н.П. Сравнительный анализ функционирования пенитенциарных систем некоторых стран Западной Европы и США // Закон и право. - 2018. - №11. - С. 87-89.
5. Дрынкин А.Д. Эволюция системы исполнения наказания в Великобритании // Вопросы студенческой науки. – 2019. - № 12 (40). - С.393-398.
6. Право.ру. Казанский международный юридический форум [Электронный ресурс] // Право.ру. – URL: <https://pravo.ru/review/view/89878> (дата обращения: 14.10.2025).
7. Федорова Е. М. К вопросу о создании частных тюрем в России // Проблемы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 1–3
8. Федорова Е. М. Первозванский В. Б, Некоторые аспекты профилактики рецидивной преступности в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран// Проблемы в Российском законодательстве. - 2018. - № 4. – С. 1–4.

References

1. Association of Lawyers of Russia. It has been revealed how many prisoners there are in Russia today: it has never been lower [Electronic resource] // Official website of the Association of Lawyers of Russia. – URL: <https://alrf.ru/news/vyyasnilos-skolkozaklyuchennykh-segodnya-v-rossii-menshe-eshche-ne-bylo/> (date of access: 14.10.2025)
2. Bykov, A. V. Penitentiary Systems of the USA, Germany, France, and Great Britain: Features of Organization and Activity // Legal Science: History and Modernity. – 2013. - No. 11. - Pp. 165-174.
3. Voronin, A.V. The Penitentiary System of the United Kingdom // Collection "Perm Period" Collection of Materials of the VI International Scientific and Sports Festival of Cadets and Students, 2019. - Pp. 58-59.
4. Gnedova, N.P. Comparative Analysis of the Functioning of Penitentiary Systems in Some Western European Countries and the United States // Law and Justice. - 2018. - No. 11. - Pp. 87-89.
5. Drinkin A.D. Evolution of the system of execution of punishment in the UK // Questions of student science. – 2019. - No. 12 (40). - Pp.393-398.
6. Pravo.ru. Kazan International Legal Forum [Electronic resource] // Pravo.ru. – URL: <https://pravo.ru/review/view/89878> (date of access: 14.10.2025).
7. Fedorova E. M. On the Issue of Establishing Private Prisons in Russia //Problems in Russian Legislation. – 2018. – No. 4. – Pp. 1–3
8. Fedorova E. M. Pervozvansky V. B., Some Aspects of Recidivism Prevention in Penitentiary Institutions of Foreign Countries// Problems in Russian Legislation. - 2018. - No. 4. - Pp. 1-4.

Сведения об авторах: Присяжнюк Алина Алексеевна, e-mail: alina89103610567@mail.ru.

Сведения о научном руководителе: Воротилина Татьяна Викторовна, SPIN-код: 9196-6703, AuthorID: 291577, ORCID 0000-0002-3269-8576, e-mail: tvvorotilina@fa.ru.

Для цитирования: Присяжнюк А.А. (2025) Частные пенитенциарные учреждения: вопросы организации работы с осужденными. *Вопросы государства и права*, № 4(11). с. 83-90, <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-83-90>.

Получена: 22 октября 2025; прошла рецензирование 12 ноября 2025; принта 20 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А.А. Присяжнюк (2025) Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Authors: Alina A. Prisyazhnyuk, e-mail: alina89103610567@mail.ru.

Scientific supervisor: Tatyana V. Vorotilina, SPIN-код: 9196-6703, AuthorID: 291577, ORCID 0000-0002-3269-8576, e-mail: tvvorotilina@fa.ru.

For citation: Prisyazhnyuk A.A. (2025) Private penitentiary institutions: organizing work with convicts. *Questions of State and Law*, no. 4(11), pp. 83-90. <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-83-90>.

Received 22 October 2025; reviewed 12 November 2025; accepted 20 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A.A.Prisyazhnyuk (2025). Published by Bunin Yelets State University. Open access under CC BY-NC License 4.0.

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ

К.В. Образцова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
399770 г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров 28,1
(Елец, Россия)

В.Н. Щепетильников

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
399770 г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров 28,1
(Елец, Россия)

Резюме. В данной статье рассматривается значимость разработки мер по противодействию кибертерроризму. Выявляется отсутствие законодательного закрепления понятия «кибертерроризм», а также мер по противодействию кибертерроризму. Определены основные проблемы неэффективности мер противодействия кибертерроризму. Предлагается законодательное закрепление указанного термина, внесение изменений в действующее законодательство в части установления уголовной ответственности за терроризм, совершенный с использованием кибертехнологий, разработан перечень мер по осуществлению противодействия кибертерроризму.

Ключевые слова: информационные технологии, кибертерроризм, меры противодействия, преступление, противодействие, уголовная ответственность, цифровое пространство

DOI 10.24888/2949-3293-2025-4-11-91-98

MEASURES TO COUNTER CYBERTERRORISM

Karina V. Obratzova

Bunin Yelets State University
399770, Yelets, Kommunarov Street, 28,1
(Yelets, Russia)

Scientific adviser: Viktor N. Shchepetilnikov
Bunin Yelets State University
399770, Yelets, Kommunarov Street, 28,1
(Yelets, Russia)

Abstract: This article examines the importance of developing measures to counter cyberterrorism. The lack of legislative consolidation of the concept of "cyberterrorism", as well as measures to counteract cyberterrorism, is revealed. The main problems of inefficiency of measures to counteract cyberterrorism are identified. The legislative consolidation of this term is proposed, amendments are made to the current legislation regarding the establishment

of criminal liability for terrorism committed using cyber technologies, and a list of measures has been developed to counter cyber terrorism.

Keywords: information technologies, cyberterrorism, counteraction measures, crime, counteraction, criminal liability, digital space

С учетом ускоренного прогресса в области информационных технологий и растущей зависимости общества от цифрового пространства увеличивается число инцидентов, связанных как с киберпреступлениями в целом, так и с кибертерроризмом, в частности.

Интернет-среда стала крайне благоприятной средой обитания для множества преступников, поскольку позволяет им сохранить конфиденциальность, что во многом позволяет им совершать преступления, оставаясь безнаказанными.

Так, по информации Министерства внутренних дел России, в период с декабря 2023 по ноябрь 2024 года было зарегистрировано свыше 702 тысяч преступлений, при совершении которых были использованы информационно-телекоммуникационные технологии или совершенные в сфере компьютерной информации. При этом отмечалась положительная динамика роста: в сравнении с 2023 годом количество преступлений увеличилось на 14,3%, а в сравнении с показателями 2022 года – на 53,3%.

Преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, по сравнению с январем-февралем 2024 года, зарегистрировано на 1,3 % больше[4].

Согласно Доктрине информационной безопасности России, террористические и экстремистские формирования интенсивно используют информационные сети для манипулирования сознанием личностей, коллективов и общества в целом, чем провоцируют возрастание этнических, религиозных и социальных конфликтов. Также эти организации стремятся распространять экстремистские убеждения и вербовать новых членов. Для достижения своих незаконных целей, они разрабатывают инструменты для атак на объекты важнейшей информационной инфраструктуры [9].

Между тем представляется крайне нелогичным отсутствие законодательного закрепления термина «кибертерроризм», поскольку данная проблема имеет уже не только государственный, но и международный характер.

Отсутствие законодательно закрепленного термина рассматриваемого понятия вызвало многочисленные дискуссии относительно формулировки его определения.

Например, определение кибертерроризма, озвученное американским специалистом по вопросам информационной безопасности Дороти Деннинг, получило широкое признание у ряда ученых. Согласно ее концепции, кибертерроризм представляет собой переплетение интернет-пространства и террористической деятельности. Такое взаимодействие завязано на совершении незаконных акций и выдвижении угроз атак против информационных систем, сетей и данных. Цели таких действий – заставить государства или население действовать в соответствии с определенной политической или социальной агитацией под давлением страха. Важным аспектом является то, что для достижения этих целей атака должна вызывать либо непосредственное насилие в отношении людей и имущества, либо наносить ущерб достаточной величины для создания атмосферы страха [1].

В ряде государств встречается определение кибертерроризма, закрепленное на законодательном уровне. Так, в ст. 17 Ордонанса о борьбе с компьютерными преступлениями Исламской Республикой Пакистан (Prevention of Electronic Crimes Ordinance (PECO)) «кибертерроризм» (cyberterrorism) – это преступление, в котором может быть обвинено как физическое, так и юридическое лицо, которое в результате умышленного

использования своего компьютера или компьютерной сети в целях совершения террористического акта причиняет смерть человеку [7, с. 113].

Классические определения кибертерроризма подразумевают, что таковой квалифицируется при возникновении угрозы или ущерба для конфиденциальности, целостности или доступности информационных систем. Это относится к случаям, приводящим к актам насилия или другим видам урона. Тем не менее в рамках новейших реалий террористические субъекты инициируют эксплуатацию киберпространства и цифровых устройств не только для гибридных атак, но и для связи, стратегического планирования, координирования действий, финансирования своих операций, приобретения средств для вооружения, разведки необходимых сведений и вербовки новых членов [5].

Следует отметить, что государством прорабатываются различные меры противодействия терроризму, однако кибертерроризм, хотя и имеет общие черты с терроризмом, имеет также и специфические особенности, которые должны быть учтены при разработке соответствующих мер.

Концепция противодействия кибертерроризму имеет более расширенное значение по сравнению с понятием «борьба с кибертерроризмом». Последнее в основном фокусируется на прямом предотвращении террористических актов и последующего возмещения причиненного вреда. В то время как противодействие включает в себя комплекс мер, охватывающих законодательное регулирование, информационно-идеологическую работу, организационное управление, административно-правовые акты и образовательные, включая пропагандистские, инициативы. Этот многоуровневый подход направлен на предупреждение формирования и развития субъектов, занимающихся кибертерроризмом, особенно групп и организаций, препятствуя этим силам в переходе к активным действиям и реализации преступных замыслов.

Противодействие кибертерроризму представляет собой интегрированный подход, включающий ряд мероприятий, благодаря которым предотвращаются активные действия террористов для осуществления их злонамеренных планов.

В рамках антитеррористической политики выделяются специфические цели, задачи, направления действий и основополагающие принципы. Антитеррористическая деятельность опирается на следующие ключевые направления:

- развитие и укрепление правового регулирования в области обеспечения информационной безопасности;
- оптимизация и углубление координации между релевантными федеральными органами власти;
- создание специализированных подразделений и усиление кадрового потенциала федеральных структур, ответственных за борьбу с терроризмом, в сочетании с повышением уровня их технического оснащения.

Сопроотивление распространению компьютерного терроризма, который становится дополнительным инструментом традиционного терроризма сегодня представляется исключительно сложной задачей. Трудность заключается в отсутствии эффективных механизмов государственного регулирования, цензурных ограничений и других контрольных процедур в отношении контента, что циркулирует в сети интернет. Анонимность пользователей и безграничный характер киберпространства превращают интернет в мощный инструмент для тех, кто стремится достигать противоправных целей, при этом значительно снижая возможности выявления и привлечения к ответственности правонарушителей [2].

С начала двухтысячных годов Российская Федерация активно вносит вклад в формирование международного законодательства, направленного на противодействие кибертерроризму. Тем не менее реализация этих мер часто не выходит за рамки бюро-

кратической рутины и порой оказывает ограниченное воздействие на реальное состояние информационной безопасности. Регулярные инциденты с кибератаками, целями которых становятся крупные корпорации и органы власти как в пределах страны, так и за ее пределами, свидетельствуют о продолжающейся актуальности и серьезности этой проблемы.

В контексте стремления к формированию информационного общества Российская Федерация реализует стратегию борьбы с кибертерроризмом. Данная стратегия мотивирована потребностью в создании и поддержании всенародной безопасности систем информационно-коммуникационной инфраструктуры, которая обеспечила бы защиту от всех форм возникающих киберугроз.

Несмотря на это, в российском обществе наблюдается дискуссия о степени необходимости государственного вмешательства в управление российским сегментом интернета. Это напряжение проистекает из баланса между конституционными правами граждан на доступ к информации и использование ее и, напротив, требованиями безопасности личности, общества и государства в цифровой среде.

Актуальность строгого соблюдения законности и поддержания порядка подкрепляется действиями террористов, которые могут эксплуатировать эти свободы для распространения своих взглядов, дестабилизации государственной структуры и нанесения другого рода вреда. В результате возникает неоспоримая необходимость предоставления права спецслужбам вести мониторинг цифровых платформ и эффективно подавлять деятельность террористических группировок в виртуальном пространстве.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 января 2013 года под номером 31 «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации», Федеральной службе безопасности РФ были предоставлены полномочия для разработки и внедрения системы, направленной на защиту информационного пространства страны [10]. Эта система охватывает не только информационные ресурсы, расположенные внутри страны, но и находящиеся в зарубежных дипломатических представительствах, а также консульских учреждениях Российской Федерации, обеспечивая их надежную защиту от киберугроз.

В системе МВД тоже существует структура, осуществляющая противодействие преступлениям в сфере компьютерной информации.

Но, несмотря на это, а также принимая во внимание растущую угрозу кибертерроризма, в российском законодательстве пока не наблюдается соответствующего уровня внимания к этой проблематике. В настоящее время термин «кибертерроризм» не имеет юридического определения в рамках действующих нормативно-правовых актов России. Хотя ст. 205 УК РФ предусматривает ответственность за террористические акты [8], в Кодексе отсутствуют специальные нормы, которые бы учитывали специфику преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий и в виртуальном пространстве. Это создает проблемы при квалификации содеянного, даже если кибертерроризм был обнаружен, и при дальнейшем движении дела.

Более того, в правоохранительных органах отсутствует как таковая практика раскрытия кибертеррористических преступлений. Поэтому представляется, что ключевая трудность борьбы с кибертерроризмом в Российской Федерации не заключается только в недостатках Уголовного или Уголовно-процессуального кодекса РФ. Скорее, она связана с более высокой степенью подготовленности защиты в сравнении с обвинением. К тому же, на ранних этапах расследования случаев кибертерроризма правоохранительные органы могут совершать ошибки при осмотре места происшествия, что приводит к

потере важных криминалистических данных. Такие пробелы в досудебной практике часто приводят к тому, что уголовное дело разваливается еще до передачи его в суд.

В научной литературе отмечаются следующие проблемы противодействия кибертерроризму:

1. Законодательная база России не вполне соответствует текущим требованиям в домене безопасности компьютерной информации, не предоставляя актуальных регулятивных механизмов для управления интернет-отношениями.

2. Нехватка современного технического оборудования в распоряжении следственных и оперативных структур препятствует оперативному документированию инцидентов, связанных с кибертерроризмом.

3. Остро стоит вопрос дефицита квалифицированных специалистов, которые обучены обнаруживать и раскрывать преступления в компьютерной сфере, а также нехватка специализированных подразделений для подобных целей.

4. Развитие системы защиты информационно-коммуникационных сетей и серверов не успевает за темпами усовершенствования методов кибертеррористических атак, что подрывает их эффективность и актуальность [6].

Определение исходного пункта кибертеррористического действия представляет значительную сложность, ведь подобные деяния преимущественно носят международный характер. Фактическое местоположение компьютера, использованного для осуществления преступления, редко совпадает с местонахождением цели атаки и ее реальными последствиями. Вдобавок, существует проблема сохранения доказательств киберпреступления и сложности в отслеживании личности кибертеррористов, что значительно уменьшает возможность обвинения и последующего привлечения злоумышленника к ответственности перед законом.

Как мы полагаем, еще одной проблемой в борьбе с кибертерроризмом является его неограниченность государственными границами. Это обусловлено тем, что деяния кибертеррористов отличают их возможность совершать агрессивные и насильственные акты, не находясь физически в месте преступления (как в случаях взрывов, поджогов и тому подобного), а осуществлять их на расстоянии, используя возможности киберпространства. При этом агрессор может фактически пребывать в иной юрисдикции, в том числе в иной стране.

Таким образом, в России на текущий момент отмечается отсутствие устойчивой и систематизированной программы, нацеленной на противодействие кибертерроризму. Имеющиеся инициативы являются спорадическими и не объединены в единую политику. Необходимая правовая основа для эффективной борьбы с кибертерроризмом отсутствует, что осложняет возможность нейтрализации такого рода угроз. Эффективное противодействие такому глобальному вызову требует координированных действий и взаимодействия на международном уровне с активным включением всех стран мирового сообщества в процесс борьбы с этим опасным явлением.

Для эффективного противодействия терроризму разрабатываются и реализуются различные стратегии и тактики как на национальном уровне, так и в рамках международного сотрудничества.

Представляется, что меры противодействия кибертерроризму должны включать:

- законодательное регулирование: принятие и обновление законов, нацеленных на предупреждение террористической деятельности, установление ответственности за совершение террористических актов и поддержку терроризма;

- обеспечение безопасности и предотвращение: укрепление мер безопасности в общественных местах, на стратегически важных объектах и инфраструктуре. Внедре-

ние систем видеонаблюдения, контроля доступа, улучшение методов досмотра на транспорте, включая аэропорты и железнодорожные станции;

- разведка и контрразведка: сбор разведанных о потенциальных террористических угрозах, используя источники открытой информации, кибер-разведку, шпионаж и другие средства разведки;

- международное сотрудничество: обмен информацией между странами и международными организациями о террористических группировках, их членах и операциях. Взаимодействие правоохранительных и разведывательных служб разных стран;

- финансовый контроль: принятие мер для предотвращения финансирования терроризма, включая отслеживание транзакций и замораживание активов, а также международное сотрудничество в этой области;

- противодействие радикализации и вербовке: программы образования и информирования общественности для повышения осведомленности о терроризме и его последствиях, программы дерадикализации для предотвращения принятия экстремистских идей;

- оперативное реагирование: подготовка специализированных сил быстрого реагирования, способных оперативно и эффективно отвечать на возникшие угрозы или уже совершенные террористические акты;

- информационная борьба: мониторинг и анализ интернет-контента на предмет террористической пропаганды, блокировка и удаление экстремистского контента, противодействие распространению идеологии терроризма через социальные медиа и иные платформы.

Каждая мера должна реализовываться в рамках комплексного подхода, предусматривающего взаимодействие различных государственных органов и международных структур, а также активное участие общества и частного сектора. Между тем, следует отметить, что в Российской Федерации меры противодействия кибертерроризму, как и его легальное определение, не закреплены на законодательном уровне, что является существенным фактором, препятствующим эффективному применению указанных мер. Представляется, что на сегодняшний день целесообразно разрозненные правовые нормы, касающиеся противодействия кибертерроризму, объединить в единую Стратегию, отвечающую международным стандартам, а также при ее составлении учитывать опыт противодействия кибертерроризму зарубежных стран, в том числе установить уголовную ответственность за терроризм, осуществляемый с использованием кибертехнологий.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest. The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики. Авторы заявляют о соответствии исследования этическим принципам

Ethics Approval. The authors declare that the study complies with all applicable ethical principles.

Список литературы

1. Denning D.E. Cyberterrorism Testimony before the Special Oversight Panel on Terrorism Committee on Armed Services U.S. House of Representatives. Georgetown University May 23, 2000. URL:

<https://web.archive.org/web/20140310162011/http://www.cs.georgetown.edu/~denning/infosec/cyberterror.html>.

2. Голубев В.А. Кибертерроризм как новая форма терроризма. - URL: <http://www.crime-research.org/> (дата обращения: 25.04.2025).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.04.2025).

4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - февраль 2025 года. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/62890844/> (дата обращения: 25.04.2025).

5. Кудинов В.В., Минаев А.В. Кибертерроризм: основные угрозы и проблемы правового регулирования национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 53 - 56.

6. Россия в глобальной политике. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Igra-pro-pravila-17640> (дата обращения: 25.04.2025).

7. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии / под ред. В.И. Лафитского. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Контракт, 2013.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025)// Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

9. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 12.12.2016, № 50, Ст. 7074.

10. Указ Президента РФ от 15.01.2013 № 31с (ред. от 22.12.2017) «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 21.01.2013. № 3. Ст. 178.

References

1. Denning D.E. Cyberterrorism Testimony before the Special Oversight Panel on Terrorism Committee on Armed Services U.S. House of Representatives. Georgetown University May 23, 2000. URL: <https://web.archive.org/web/20140310162011/http://www.cs.georgetown.edu/~denning/infosec/cyberterror.html>.

2. Golubev, V.A. Cyberterrorism as a New Form of Terrorism. - URL: <http://www.crime-research.org/> (accessed: 25.04.2025).

3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)// Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed on 25.04.2025).

4. A brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-February 2025. – URL: <https://мвд.ру/reports/item/62890844/> (accessed on 25.04.2025).

5. Kudinov V.V., Minaev A.V. Cyberterrorism: Main Threats and Problems of Legal Regulation of the National Security of the Russian Federation // Constitutional and Municipal Law. 2022. No. 4. Pp. 53 - 56.

6. Russia in Global Politics. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Igra-pravila-17640> (date of access: 25.04.2025).

7. Comparative Law Studies: National Legal Systems. Vol. 3. Legal Systems of Asia / edited by V.I. Lafitsky. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Kontrakt, 2013.

8. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 21.04.2025)// Collection of Legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. No. 25. Art. 2954.

9. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation"// Collection of Legislation of the Russian Federation, 12.12.2016, No. 50, Art. 7074.

10. Decree of the President of the Russian Federation No. 31s dated 15.01.2013 (as amended on 22.12.2017) "On the Establishment of a State System for Detecting, Preventing, and Eliminating the Consequences of Computer Attacks on Information Resources of the Russian Federation"// Collection of Legislation of the Russian Federation. 21.01.2013. No. 3. Article 178.

Сведения об авторах: Образцова Карина Владимировна, e-mail: pozhideeva.carina@yandex.ru; Щепетильников Виктор Николаевич, SPIN-код: 5716-8881, AuthorID: 668076, e-mail: vic80@rambler.ru.

Для цитирования: Образцова К.В., Щепетильников В.Н., (2025) Меры противодействия кибертерроризму. *Вопросы государства и права*, № 4(11). с. 91-98, <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-91-98>.

Получена: 20 октября 2025; прошла рецензирование 12 ноября 2025; принта 20 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: ©К.В. Образцова, В.Н. Щепетильников (2025) Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Authors: Karina V. Obraztsova, e-mail: pozhideeva.carina@yandex.ru; Viktor N. Shchepetilnikov, SPIN-код: 5716-8881, AuthorID: 668076, e-mail: vic80@rambler.ru.

For citation: Obraztsova K.V., Shchepetilnikov V.N. (2025) Measures to counter cyberterrorism. *Questions of State and Law*, no. 4(11), pp. 91-98. <https://doi.org/10.24888/2949-3293-2025-4-11-91-98>.

Received 20 October 2025; reviewed 12 November 2025; accepted 20 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © K.V. Obraztsova, V.N.Shchepetilnikov (2025). Published by Bunin Yelets State University. Open access under CC BY-NC License 4.0

НАШИ АВТОРЫ

Акопян Арсен Вазгенович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, г. Елец; почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28,1; электронная почта: mex_arsen@rambler.ru

Билык Кирилл Владимирович, аспирант кафедры конституционного и международного права, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород; почтовый адрес: 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85, электронная почта: 1890686@bsuedu.ru

Бочаров Илья Евгеньевич, старший преподаватель кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, г. Елец; почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28,1; электронная почта: ilyabocharov1998@mail.ru

Воротилина Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Москва, почтовый адрес: г. Москва, ул. Щербаковская, д. 38, электронная почта: tvvorotilina@fa.ru

Забияк Валерия Владимировна, магистр, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28,1; электронная почта: vika.zabiak@mail.ru

Каверина Мария Николаевна, магистр, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28,1, электронная почта: mnkaverina@mail.ru

Мирончуковская Виктория Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: bosfor4878@mail.ru

Образцова Карина Владимировна, магистр, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28,1, электронная почта: pozhidaeva.carina@yandex.ru

Присяжнюк Алина Алексеевна, бакалавр, РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Москва, почтовый адрес: г. Москва, ул. Щербаковская, д. 38, электронная почта: alina89103610567@mail.ru

Ривоненко Николай Николаевич, старший советник юстиции, прокурор Горняцкого района г. Макеевки ДНР, почтовый адрес: г. Макеевка, ул. Лихачева, 51, электронная почта: grp23@gpdnr.su

Сафронов Никита Алексеевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета, г. Курск, почтовый адрес: 305040 г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94, электронная почта: nik.safronov.1992@mail.ru

Тимошенко Алексей Юрьевич, инспектор ПДН Елецкого линейного отдела МВД России на транспорте, магистр, г. Елец, почтовый адрес: 399773, Липецкая область, город Елец, ул. Привокзальная, д. 2, электронная почта: aleksei.timoshenkov9@yandex.ru

Хомченко Виктория Валерьевна, старший преподаватель, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28,1, электронная почта: vovchenko.92@mail.ru

Щепетильников Виктор Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, г. Елец; почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28,1; электронная почта: vic80@rambler.ru

OUR AUTHORS

Akopyan Arsen Vazgenovich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law named after V.G. Yermakov at the Bunin Yelets State University, Yelets; postal address: 399770, Yelets, Kommunarov Street, 28,1; e-mail: mex_arsen@rambler.ru

Bilyk Kirill Vladimirovich, Postgraduate Student of the Department of Constitutional and International Law, Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod; postal address: 308015, Russian Federation, Belgorod, Pobedy Street, 85, e-mail: 1890686@bsuedu.ru

Bocharov Ilya Evgenievich, Senior Lecturer at the Department of Jurisprudence named after V.G. Yermakov at the Bunin Yelets State University, Yelets; postal address: 399770, Yelets, Kommunarov Street, 28,1; e-mail: ilyabocharov1998@mail.ru

Vorotilina Tatyana Viktorovna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, postal address: 38 Shcherbakovskaya Street, Moscow, e-mail: tvvorotilina@fa.ru

Zabiyak Valeria Vladimirovna, Master's degree, I.A. Bunin Yelets State University, Yelets, postal address: 399770, Yelets, 28.1 Kommunarov St.; e-mail: vika.zabiyak@mail.ru

Kaverina Maria Nikolaevna, Master's degree, I.A. Bunin Yelets State University, Yelets, postal address: 399770, Yelets Yelets, Kommunarov str., 28.1, e-mail: mnkaverina@mail.ru

Mironchukovskaya Victoria Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov I.A. Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, Kommunarov str., 28; e-mail: bosfor4878@mail.ru

Obraztsova Karina Vladimirovna, Master, Yelets State University named after I.A. Bunin, Yelets, postal address: 399770, Yelets, Kommunarov Street, 28,1, e-mail: pozhidaeva.carina@yandex.ru

Prisyazhnyuk Alina Alekseevna, Bachelor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, postal address: Moscow, Shcherbakovskaya Street, 38, e-mail: alina89103610567@mail.ru

Rivenenko Nikolai Nikolaevich, Senior Justice Advisor, Prosecutor of the Gornysky District of Makeyevka, DPR, postal address: Likhacheva Street 51, Makeyevka, e-mail: grp23@gpdr.su

Safronov Nikita Alekseevich, Candidate of Law, lecturer of the Department of Theory and History of State and Law at the Southwestern State University, Kursk, postal address: 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya Street, 94, e-mail: nik.safronov.1992@mail.ru

Timoshenkov Alexey Yurievich, Master's Degree, Bunin Yelets State University, Yelets, postal address: 399770, Yelets, Kommunarov Street, 28,1, e-mail: aleksei.timoshenkov9@yandex.ru

Khomchenko Victoria Valerievna, Senior Lecturer, Bunin Yelets State University, Yelets, postal address: 399770, Yelets, Kommunarov Street, 28,1, e-mail: vovchenko.92@mail.ru

Shchepetilnikov Viktor Nikolaevich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov at the Bunin Yelets State University, Yelets; postal address: 399770, Yelets, Kommunarov Street, 28,1; e-mail: vic80@rambler.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Адрес редакции: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28,1
Телефон: 8(47467) 2-26-27 (ответственный секретарь – Акопян Арсен Вазгенович).

E-mail: jurn.book@yandex.ru

Журнал «Вопросы государства и права» является научным журналом, в котором рассматриваются актуальные теоретические и практические проблемы становления и развития государства и права, истории политической и правовой мысли, актуальные аспекты права и правоприменения на современном этапе.

Журнал издается с 2023 года. Журнал учрежден Елецким государственным университетом имени И.А. Бунина, является периодическим научным изданием. Выходят 4 номера в год.

Полные требования к публикации размещены на сайте https://elsu.ru/state_lav/

INFORMATION FOR AUTHORS

Address of the editorial office: 399770, Lipetsk region, Yelets, 28,1 Kommunarov Street.

Tel. 8(47467) 2-26-27 (executive secretary –Arsen V. Akopyan).

E-mail: jurn.book@yandex.ru

Journal "Questions of State and Law" is a scientific journal, which examines the current theoretical and practical problems of the formation and development of state and law, the history of political and legal thought, current aspects of law and law enforcement at the present stage.

The magazine has been published since 2023. Journal was founded by Bunin Yelets State University and is a subscription scientific periodical. Four issues a year come out.

Full information is presented on site https://elsu.ru/state_lav/

Научный журнал

Вопросы государства и права
№ 4 (11) / 2025

Редактор – С.Е. Гридчина
Техническое исполнение – В.М. Гришин

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 15.12.2025
Дата выхода в свет 16.12.2025
Бумага 51,0 п.л. Формат А-4. Гарнитура Times.
Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 92
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28,1
E-mail: jurn.book@yandex.ru
Сайт редколлегии: https://elsu.ru/state_lav/redkol/

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, Коммунаров, д. 28, 1